

Олег ЛАРИОНОВ

ЧУЖОЙ ГОРОД

Авторский киносценарий по мотивам одноименного романа

Сюжет киносценария не всегда совпадает с сюжетом романа и сокращен

Киносценарий опубликован в сборнике прозы:

Олег Иванович Ларионов. «Чужой город». Роман, повести, рассказы. Вологда, издание Вологодского государственного педагогического университета. 2008. - 850 с., илл. ISBN 978-5-87822-298-3. ББК 84 (2Рос=Рус). Л25.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. 1989 год

Действующие лица

Игорь Рагутов, выпускник школы, 17 лет

Денис Лихотин, насмешливый длинноволосый поэт, студент, 22 года

Лариса Гетманова, студентка худграфа, заводная красавица-брюнетка, 21 год

Вика Веселова, ее слегка высокомерная подруга, 21 год

Американка, блондинка-фотомодель, лет 20

Колхозный бригадир, лет 27

Слуцкий, студент и спекулянт, 23 года.

Вадим Широков, художник, не молодой, но моложавый мужчина атлетического сложения. Прихрамывает, у него протез.

Светлана, его жена.

Студенты – в Городе, пансионате, колхозе, университете

1.

По провинциальному городу бежит молодой человек лет семнадцати (Игорь Рагутов), с походной сумкой на плече, явно куда-то опаздывая. Сбивает прохожих с ног, на него оглядываются. На перроне вокзала заскакивает в уже начавший движение вагон.

Полуфантастическая и почти сюрреалистическая картина летящего в ночи поезда, симфония движущихся огней, растянутых спецэффектом в струи и полосы. Ночь уходит, наступает день.

Взору путешественника, смотрящего в окно, открывается Город. Это не Москва, не Петербург, не Нью-Йорк и не Токио. Он несет в себе признаки всех существующих великих городов мира, и в то же время нечто такое, чего нет или почти нет в современности – нечто футуристическое, поражающее воображение. Но ясно, конечно же, одно – действие происходит в России.

Погружение в метро, бег электрички метрополитена. Картины меняются быстро и экспрессивно.

Внезапно шум смолкает. Смеркает. Тишина пансионата на берегу моря среди сосен; одинокая многоэтажная белая башня, окольцованная множеством террас (Дворец Юности).

Просторное фойе плавно переходит в искусственный парк южных культур с пальмами, кактусами, попугаями в вольерах.

Приезжий (Игорь Рагутов) стучит в дверь. Никто не отвечает. Он бесшумно открывает ее. Уютная комната. На кровати, слегка отбросив одеяло, спит Денис. Игорь

тронул его за плечо.

*Денис: -Ба, старина, а я ждал тебя еще вчера! Город ждет тебя!
(Трясут друг другу руки).*

Денис: -Зарегистрировал путевку?

Игорь: -Конечно.

Денис: -Ты как раз вовремя: сейчас будет ужин, а потом танцы.

Большой зал. За окном сосны, громадные гранитные валуны и море, изъеденное фьордами. Игорь и Денис за хорошо сервированным столом.

Денис (смеясь, указывая на сервировку стола): -Что, глаза разбегаются? Да, при таком изысканном ассортименте придется нам, брат Игорь, стать гурманами.

Игорь замечает за отдаленным столиком сногшибательную красавицу в малиновой кофточке с платиновыми волосами (это американка, фотомодель). Они смотрят друг на друга.

Денис: -И здесь глаза разбегаются?..

Танцуют. Веселятся все – от семнадцати до семидесяти, и потому здесь как-то разом в одном неповторимом сочетании соприкасается сразу несколько обычно несовместимых эпох. Звучат и рок, и фокстрот, и танго, и полузадиристые песенки. Бородачи-музыканты дуют в свои трубы и стучат по струнам электрогитар.

Игорь и Денис уходят из зала и бродят по непривычно пустынным и просторным коридорам дворца. Усаживаются в кресла на лестничной площадке в самом верху семнадцатипэтажного цилиндра.

Этажом ниже слышался девичий шепот и сдержанный смех.

Звук этажом ниже: -Тсссс...

Денис и Игорь (дружно): -Тссссс!

Снова звук снизу: -Тссссс!!

Денис (декламируя):

*Ах, ночь, черноокая девица,
Открой свой надзвездный чертог,
Из ковшика Малой Медведицы
Дай сделать студёный глоток...*

Первый женский голос этажом ниже: -О, голос с неба! Кто ты? Всевидящий?

Денис: -Я дух.

Второй женский голос снизу (театрально-наигранный): -Если так, не подаришь ли нам будущее?..

Денис: -Охотно.

(декламирует)

*В ночной таинственной тиши
Внимай движению души.
Ей виден сквозь завесу лет
Грядущего волшебный свет...*

Первый женский голос этажом ниже: -Пожалуйста, больше чувства!

Денис: -Чувства кончились. Их нет, как нет зимой фиалки. Одни эмоции остались. Но и их метет в пустыню мгла.

Игорь: - С кем говорят духи?

Второй женский голос снизу: - Мы - ночные феи.

Игорь: -Феи?.. Вам не спится, а кто не спит, тот ищет что-то...

Первый женский голос (серьезно и наивно): -А может, он говорит правду!

Второй женский голос: -И что мы ищем?

Денис: - Вы ищите Звезду Радости и Тайну.

«Феи», две девушки, поднимаются по лестнице и, увидев друзей, первая «фея»

(Лариса) говорит:

-Вот мы и разоблачили духов!

Денис: -Прошу. *(Предлагает дамам сесть в два свободных кресла, что стоят рядом).*

Игорь: -Нам, духам, так пустынно и одиноко в нашем потустороннем царстве, иногда хочется с кем-нибудь поговорить.

Вторая «фея» (Вика), подыгрывая: -И у нас, фей, в нашей сказочной стране не слишкомлюдно. Даже судьбу некому предсказать. Принимаем ваше предложение.

Лариса: -А чьи стихи вы читали?

Денис: -Свои.

(сочиняет)

Я - ночной бессонный дух.

Проторчал я здесь до двух.

Лишь пробило два часа,

Слышу ваши голоса.

И награда мне за бдение -

Фей прекрасных лицезренье.

Фея тьмы и фея света,

Та - светла, а та - темна.

Может быть, мне снится это?

Может, я схожу с ума?..

Лариса: -Боже, настоящий импровизатор!

Вика: -Ваши стихи публиковались где-нибудь?

Денис: -Конечно. В стенгазете!

Лариса: -Вам обязательно нужно где-то печататься. Вы так классно сочиняете на лету...

Денис: -Меня это не волнует. Я пишу для собственной души. И иногда - для друзей... Ну, до завтра, девчонки?..

Расходятся.

Утро следующего дня. Легко одетая босая компания идет по песчаному берегу в сторону лодочной станции. Постояльцы пансионата отпускают острые шутки, хохочут, особенно в этом преуспевают Лариса с Викой.

Лариса: -Между прочим, я потомок древних скифов. И к тому же владею карате. С парнями легко справляюсь.

Игорь (с сомнением): -Но не со мной. Весовые категории у нас слишком разные.

Лариса (задорно): -Па-асмотрим! - *толкает Игоря, подставив одновременно ножку. Игорь пошатнулся. Смеется. Но вскоре бултыхается от нового толчка в море.*

Игорь (шутливо): -Не честно! - *Мчитя за Ларисой. Едва он поймал её за руку, его опять кто-то толкнул, и поднялась невообразимая кутерьма с визгом и хохотом. Потом садятся в лодку. Игорь на веслах. Лодка пристает к острову, где высится полуразрушенная крепость.*

Игорь Ларисе: - Ты, наверное, учишься на тренера?

Лариса: -Сказанул. Я учусь на художественно-графическом. А карате - хобби.

Игорь: -Будущий художник?

Лариса: -Мг. Или учитель рисования. Это как повезет... Хочешь, еще прием покажу?..

Дурачатся. Потом падают на песок.

Лариса (Игорю, продолжая игру): -Дорогой, ты ведь маленький еще, ничего ты не понимаешь! Ах, ты не маленький? Да будет тебе, крошка! - *посмеивается.* - Я ровесница твоему другу. Это значит, что тебя я старше в два раза!

Вика: -Вполне по Фрейду.

Игорь: -Я его не читал. А нет ли у этого автора что-нибудь об отношении

естественного отбора к темпераменту?

Лариса (кокетливо): -Темпераменту?.. Об этом тебе еще рано знать, крошка.

Игорь (почти виновато): -Я имел в виду не эротику... А про смысл жизни.

Лариса (на секунду задумавшись): -Смысл жизни – в любопытстве.

Игорь: -В любопытстве? Но это лишь эмоция, дым. А если наперед знаешь, что будет?

Вика (с предположением): -Ты разочарован в чем-то?

Игорь: -Да нет. Просто хотел узнать ваше мнение на этот счет.

Вика (щелкая Игоря по носу): -Чего ты знаешь, чего ты наперед знаешь, мальчик!

Игорь: -А мне кажется, смысл в жизни слишком маленький, потому что у каждого свой. Вот у тебя, Лариса, в любопытстве...

Вика (перебивая): -Парни, мы на пару дней едем на экскурсию в Прибреженск. Не желаете с нами?

Денис: -Желаем. Но у нас здесь еще есть дела.

Игорь (кивая): -Мы вас подождем. До встречи.

Денис и Игорь уезжают из пансионата и праздно слоняются по Городу. Проспекты, удивительная архитектура, потоки автомобилей, музеи, театры и т.д. Он манит и зовет, безбрежный город-океан.

Снова молодежный пансионат. Прежний ресторан, совмещенный с дансингом. Все та же светловолосая высокая девушка, однажды пропавшая куда-то. Она и Игорь тайно бросают взгляды в сторону друг друга.

Игорь (Денису, негромко): -Мне кажется, она смотрит в нашу сторону...

Денис, глядя в зеркала (с усмешкой): -Теперь я понял, почему ты ничего не видишь и не слышишь. Брось, твоя Лариса несколько не хуже.

Игорь: -Почему «моя»!

Денис: -Да знаешь, честно говоря, если б такая девчонка, как Лариса, проявила ко мне интерес, я бы пошел за ней не задумываясь. Вы с Ларисой очень друг другу подходите. А ты ничего не ценишь.

Игорь: -Не нужно меня сватать к Лоре. И я не собираюсь сниматься с ней в кино. Хорошая девчонка. Мне даже вздорность ее и легкомыслие приятны. А душа к ней – пустовата...

Денис: -У тебя весьма специфический вкус. Эта мадам – глазами показывает в сторону блондинки - целая каланча.

Игорь: -Для тебя – да.

Денис: -Я от мужиков слышал, отдыхает тут какая-то импортная то ли фотомодель, то ли супермодель, хрен их, империалистов, разберет. Мне кажется, она из этих. Смотри на вещи реально!..

Игорь (заоблачно): -По-моему, она очень эмоциональная девушка.

Денис: -С чего взял?

Игорь: -Понимаешь, у людей холодного логоса черты лица строги и непробиваемы, правильны и надменны, как архитектура классицизма...

Денис: -А по-моему, она такая же дура, как и все. Сроду не видел умных баб. Тем более если они гренадерского роста.

Игорь (рассердившись): -Красота – духовность. Человек мыслящий не увидит в отсутствии мысли красоту!

Денис (с ироническим намеком): -Да познакомься, в конце концов, с ней поближе, и все твои мифы улетучатся...

Игорь: -По-твоему, платоническая любовь...

Денис (машет рукой, как на безнадежно больного): -Сдаюсь, сдаюсь... Знаешь, я думаю, в нас есть тревога, и мы почему-то привыкли связывать ее с конкретным объектом. Но весь фокус в том, что тревога существует сама по себе... Хочешь пари на бутылку шампанского? Докажу тебе, что все гораздо проще, чем ты думаешь. Сегодня на вечере меня

будут ждать пять или шесть невест.

Денис уходит в дансинг охмурять девушек.

Игорь и неизвестная блондинка, за столиками в нескольких шагах друг от друга, отпивая мелкими глотками сок, разглядывают друг друга, пытаясь скрыть это.

Денис назначает шести девушкам свидание в вестибюле у пилонов перед выходом. Он пытается быть нестереотипным. Одной говорит, что уже пятый день мечтает о ней. Другой признается, что она совершенно непохожа на остальных. Третьей объясняет, что не может найти нужную рифму... В последний момент хватается напоследок ещё одну девушку за руку, и, бросив, что ждёт её внизу, выходит из зала.

Парень-крепыш (Денису со злостью): -Э, парень, ты сейчас свои кости будешь собирать!..

Денис (высокопарно): -Я тоже жду вас в вестибюле, сударь!

Денис спускается вниз, подходит к девушкам, которым назначил свидание, подмигивает, берет под руку последнюю милашку:

-Приятных снов, леди!

Одна из девушек, все поняв, закрыв лицо руками, искренне хохочет. Подходит Игорь:

-Тебя подстраховать? Кажется, тот толстый хотел с тобой поговорить.

Денис: -Нет, нет, я сам разберусь... Ну, убедился – насчет дам-с?..

...Возвращается в номер Денис под утро, очень весёлый и довольно пьяный.

Денис (Игорю, заплетаящимся языком): - Ты знаешь, все закончилось вполне прилично. Этот Илья Муромец ошибся. Оказалось, я претендовал не на его даму... И с ними пришлось пить его дурацкий портвейн. Ну а с тебя шампанское.

Денис ничком бухается в кровать.

Новый день. Шум пансионата. Аттракционы, студенческие компании, шумное веселье. Зал игровых автоматов, на нем табличка «Зал закрыт на мероприятие».

Игорь (в сторону, с озорством): -Damn it all!

Девичий голос позади: -Do you speak English?

Игорь оборачивается, замирает, увидев фантастическую блондинку, с которой переглядывался в ресторане. Растерянно: -Yes... I should confess ... I kept an eye on you since the first day I had come here. You `re my ideal!

Американка: -Thanks... So frank you are! When I come back `n` remember that happy time I`ve spent here I shall remember you... Russia... the Soviet Union, is so grand and beautiful land!¹

Игорь: -But... I wish we... May we meet tonight?

Американка: -Alas! I`m flying tonight. What a pity!

Игорь: -Where?

Американка: -Home.

Игорь: -Great Britain?

Американка: -No, United States.²

---

1 - Черт возьми!

- Вы говорите по-английски?

- Да... Нужно признаться... Я заметил тебя с первого же дня, как приехал сюда. Ты мне очень понравилась. Ты - мой идеал.

- Спасибо за откровенность. Когда вернусь и буду вспоминать то счастливое время, что провела здесь, я вспомню о тебе... Россия... Советский Союз такая великая и прекрасная страна!

2 - Но... Я хочу чтоб мы... Может быть, мы встретимся вечером?

- Увы, я улетаю вечером. Как жаль!

- Куда?

- Домой.

- В Англию?

-Нет, в Соединённые Штаты.

Они молча шли рядом по залу, потом она направилась к лифту, к себе, и с наполовину грустной улыбкой помахала ему рукой...

2

Университет. Шумные толпы абитуриентов и студентов, многие читают на стендах списки, объявления. Игорь протискивается.

Денис: -Ну, с чем можно поздравить?..

Игорь: -Поступил.

Денис: -Ого, в полку братьев-филологов прибыло!

Фоном звучит песня из вагантов:

Во французской стороне

На чужой планете

Предстоит учиться мне

В университете.

Игорь проталкивается дальше. Кто-то хватает его за рукав. Оборачивается: это Лариса.

Лариса: -Игорек, привет, поздравляю. Ты отличником будешь у нас.

Игорь: - С чего взяла?

Лариса (таинственно улыбаясь): -Так... А нам завтра в колхоз, на сельхозработы. Так ведь и тебе тоже, ты сюда посмотри, - указывает на списки на стене.

Игорь: - Ну там и увидимся!

Речная ширь. Белые чайки порхают над волнами. На теплоходе плывут студенты. Звучат песни под гитару. Лес по берегам. Теплоход пристает на небольшой пристани. Бревенчатое правление колхоза оккупировано приезжими.

Лариса (вручая Игорю обломанное древко флага): - Держи! Не прочь сразиться в бильярд? Начинай! А вот шас я... Ура!

Бригадир: -Кто желает в Барсовку? Туда семь человек нужны. Остальные остаются у нас в селе.

Лариса: -Чур, мы с Веселовой. Вик, где ты? И ещё этот мальчик с нами. Ведь ты с нами, Игорек?

Грузовик несется по грунтовой дороге среди прекрасного лесного края.

Вика (крепко сжимая борт): -Он ведь нас вытряхнет!

В небе слышится рокот мотора: это в одном направлении с машиной над дорогой летит «кукурузник».

Лариса (стуча кулачком по кабине): -Ну гони же, гони! Давай, обгоним его!..

Но воздушный тихоход всё же опережает грузовик

Лариса (грозя кулачком вслед самолету): -Каракатица, этажерка!

Деревня из пяти дворов. Река, запруженная плотиной. Сосны вплотную подходят к воде. Крайний дом, почти рядом с рекой, во дворе колодец с «журавлём».

Вика (толкнув ногой сразу отворившуюся дверь): -Начинаем осмотр апартаментов!

Большая полупустая комната. Сюда стаскивают нехитрую поклажу. Девушки рассаживаются на брошенные на пол фуфайки.

Вика: -Ну, Игорь, приготовься к атаке: теперь мы будем заботиться о тебе лучше родной мамочки. Держи сигаретку.

Игорь: -Я ведь не курю.

Вика: -Как не куришь, напрасно! В жизни так мало удовольствий... Вот вернусь из колхоза и влюблюсь в Слуцкого. Ему борода и усы идут.

Лариса: -А Денису Лихотину не идут.

Первая девушка: -Лихотин аккуратный парень, всегда брюки выглажены.

Вторая девушка: -А Слуцкий что попадёт под руку, то и надевает. Зато после каникул всегда прилизанный приезжает.

Лариса: -И ещё он «Фиалкой» душит. Слышишь запах одеколона, Лихотина ещё не видно, а знаешь уже, что он где-то поблизости.

Первая девушка: -Он и не душит совсем. Это просто туалетное мыло с устойчивым запахом.

Вторая девушка: -Да, земляничное.

Лариса: -Бросьте, от него «Вермутом» несёт, а не «Фиалкой».

Лариса: -Ладно, девоньки, хорош про мужиков.

Первая девушка: -Ему нельзя вина много: всё, что есть, в один момент высадит... Ой, уютно как у нас, дочки.

Вторая девушка: -Знаете что, нам надо будет завести блат с шоферами. Кто нас в поселок возить будет на танцы ?

Вика: -Верно! Целесообразна такая тактика: держать их на расстоянии, но ни в коем случае не отвергать совсем.

Первая девушка: -Еще нам надо выбрать повариху.

Вика: -Конечно же, Ларису. Так классно готовит, скажу я вам...

Звук мотора. «Уазик» во дворе. Бригадир выкладывает матрасы, простыни, картонный короб с мясом, небольшой бидон молока. Во дворе Лариса колет дрова.

Игорь: -Дай, помогу.

Лариса: -Сама хочу (Чурбан не поддается) -Ах ты, дрянь такая! - приговаривает она. - Против мм-меня, да? П-против меня? Знай Гетманову!

В завершение всё же раздаётся желанный треск.

На печи шипит громадная сковорода с картошкой, девушки готовят ужин.

Лариса: -Леди, эй, и джентльмен тоже, кушать подано. Идите жрать, пожалуйста!

Вокруг ящика с ужином расположились кто как. Лариса, стоя на коленях, энергично раскладывает салат по тарелкам.

Лариса: -Помните, как всей группе липовые медсправки сочиняли, когда я старостой была?

Девушка: -Умора.

Лариса: -Вообще, я жила по принципу: собака лает, ветер носит.

Девушка: -Да, последовательный принцип.

Вика: - Мы с Гетмановой так и живем. Зато слухи про нас такие пускают, скажу я вам...

Лариса: -Да, да! Как-то одна чувиха зашла ко мне со знакомым парнем, прежде такого ему про меня наговорив... Дескать, я карате знаю и хамка. Я сижу, шелохнуться боюсь, чтоб его не испугать, а он чуть не дрожит со страху и заикаться стал. Н-ну не могу!

Хохочет, закрыв лицо руками.

Девушка вскрывает колоду карт.

Лариса: -Кстати, в карты мне не везёт... Надоело дурой быть, и в карты, и так. Есть же люди умные! За что же я-то такая чокнутая!

Вика: -Вот потому и люблю тебя, Лор. А вообще баб терпеть не могу. Все они мелкие, мешанки. Жадные. С мужчинами всегда легче разговаривать. А вот тебя люблю.

Игорь (подхватывая ведра): -Воды на самовар принесу.

Лариса: -Умница.

Игорь хлопает дверью, но на веранде у него развязывается шнурок, он задерживается и слышит голос Ларисы:

-Ла-апушка такая! До чего он мне нравится! Вот смотришь на него и... смотреть хочется. Хороший малчик, - она нарочито произносила твёрдый «Л» в этом слове.

Как молодой козёл, одуревший от радости, он в несколько прыжков очутился у колодца, зачерпнул воды, возвратился.

Лариса: -Игорек, отвернись, пожалуйста, я переоденусь в рабочее...

Вика (шумно и озорно): -Обернись, обернись, смотри, какая она у нас фигуристая!..

Новый день. Широкое льяное поле. Девушки обдёргивают лен с края поля (который обычно не захватывается комбайном).

Лариса (завидев молодого бригадира): -Э, дяденька, где комбайнер, у нас прости из-за него!

Бригадир: -Запил. И ничего тут не сделаешь.

Лариса: -Да с тобой в первую очередь ничего не сделать-то! Тогда сам садись за комбайн. Я ведь, кажется, предупредила, что аферистка. Смотри, правление переверну!

Бригадир лишь ухмыляется. Лариса садится в его «Уазик», заводит мотор и делает невообразимые зигзаги по рыхлому полю. Тот бросается вдогонку. Она возвращается, резко тормозит, кидает ему ключи от машины. Рассерженный бригадир уезжает. Девушки продолжают работать.

Лариса (не прекращая работы, Игорю): -Знаешь, эти места чем-то напоминают мне наше Ставрополье. Как бы хотелось туда хоть на минутку!

Игорь: -Твоя родина?

Лариса: -Ага.

Игорь: -А моя родина – городок Серебряные Родники. Там мои родители. Но я не хочу сейчас туда. Мне кажется – здесь моя родина...

Лариса: -Правда?..

Вика: -Девчонки, перекур!

Лариса и Игорь идут за край поля к реке.

Лариса (продолжая): -А отец после развода с матерью уехал на Сахалин...

Игорь: -Давно его не видела?

Лариса: -Десять лет. Шальной был, весь в меня. Деньги, правда, регулярно высылают. А деньги от папаши для меня дурные. Сразу просаживаем их со своей комнате в общежитии. А вообще деньги хранить не люблю. Спускаю в один момент. Но торгуюсь за каждую копейку, не от жадности, а ради азарта...

Бросают камни в реку. Их лица рядом. Целуются, сначала робко, потом очень страстно и долго.

Лариса (расслабленно): -Милый мой... Не уходи...

Шуршание кустов, появляется Вика.

Вика: -А мы вас ищем... Вот что, работа отменяется, бригадир нас отпустил. Айда за грибами!

Девушки и Игорь бредут сквозь густую перезрелую рожь, вступают в лес. К вечеру возвращаются домой, Лариса и Игорь позади всех. Лариса по обыкновению болтает. Заходят на ферму, Лариса расписывается в тетрадке, Игорь берет ведро молока. Выходят на улицу. Звезды. Целуются.

Лариса(мечтательно): -Как здесь хорошо. И хоть от льна в глазах уже рябит, не хочу уезжать отсюда...

3

Механически мелькающие эпизоды, подчеркивающие отчужденность происходящего: городское движение, Игорь едет в метро, глядя в окно. Шум университетского коридора.

Фойе туалета, служащее курилкой. Фоном звучит словесная перепалка сокурсников:

-Какова ваша общественная позиция?.. Как вы относитесь к либеральным ценностям?.. -А к партии чиновников и приспособленцев?.. -Плохо пахнет то, что всегда хорошо пахнет...

-А вот Сартр, Камю... Как, вы не читаете по-французски?! Кошмар. Что же вы тогда разглагольствовали в своем докладе об экзистенции? Не знать подлинников!.. -Каково влияние кубизма на Аполлинера? Откуда взялся авангардизм? Разве примитивизм – не крайняя его степень? А вот фовизм, кто его изобрел, вы этого тоже не знаете? О чем же с вами тогда говорить...

Игорь слышит, но не слушает своих сокурсников, думая о чем-то своем. Ему представляются недавние сцены жизни в деревне: он идет с Ларисой под руку по проселочной дороге, она щебечет что-то...

Видения пропадают. В одиночестве Игорь бредет по городу. Осень, холодает, падают листья.

Огромное общежитие. Игорь едва находит нужную комнату, стучится. Открывает девушка в полурасстегнутом халате, с косметической маской на лице.

Игорь: - Привет, мне Ларису.

Вика: -Ларисы нет.

Игорь: -А когда она будет?

Вика: -Спроси чего-нибудь полегче. Я и то редко ее вижу.

Где-то далеко слышится пронзительная песня под гитару (в первом исполнении, конец 70-х - начало 80-х годов):

Сердцу очень жаль,
Что случилось так.
Гонит осень вдаль
Журавлей косяк.
Четырем ветрам
Грусть-печаль отдам.
Не вернется вновь
Это лето к нам. ³

Игорь бредет по коридору.

Денис (идуций навстречу, орет): -Ба!

Бросаются навстречу друг другу, кружатся в объятьях.

Денис: -Старик! Мне доктора наук дают!

Игорь: -Да ну?

Денис: - Как к отстающему, прикрепляют ко мне доктора по языкознанию. Да, и еще новости, сразу две, как водится, плохая и хорошая. Короче, меня лишили стипендии. Это плохо. Но в знак компенсации в Высшую партийную школу приглашают... - Денис выдерживает торжественную паузу. – Дворником. Стану «Мальборо» курить, а не «Беломоркэнэл»!

Вика: -Эй, мальчики! - Не собираетесь на лекцию?

Игорь: -Что за лекция?

Вика: -Положительный герой в современной литературе о молодежи.

Денис (с усмешкой): -А зачем мне? Я и так знаю, кто самый положительный герой.

Вика: -И кто же?

Денис: -Лошадь. Смотри, сколько у нее достоинств: морально устойчива, не пьёт, не курит, не изменяет. Трудолюбива, производственница хорошая, крамольных мыслей не имеет. К тому же у нее есть одно явное преимущество на фоне остальных героев дня: она никогда не дает обещания работать к празднику ещё лучше. Спрашивается, для чего же ради этого

---

3 песня «Клен» на стихи Леонтия Шишко, из сборника «Рябиновая осень, 1960 г.

дождаться праздника!..

Вика: - Сам ты лошадь! Тоже мне гений непризнанный.

Денис: - А непризнанных гениев не бывает.

Вика: - Как это?..

Денис: - Сам признаешь себя гением – ну так, значит, признанный!..

Вика: -Ой, не лихни, Лихотин... Почему опять напропускал занятия? Для поэтов у нас нет исключений! И вообще, какая причина всегдашних твоих опозданий?

Денис: - Вечная спешка.

Вика: - А ты хоть думал, как к этому относится группа?

Денис: - Всегда правильно.

Вика: - Тебя не переговоришь!

Денис (Игорю, указывая на дверь своей комнаты): -Прошу.

Игорь: -Ларису давно не встречал?..

Денис: -Редко ее вижу. Ты не как к ней стал не ровно дышать?.. А как же твоя американская фотомодель?

Игорь: -Американка – просто мечта. Воздушный образ, не наполненный ничем. Она улетела, и я ее забыл...

Денис: -Я раньше тоже влюблялся сразу в двоих, а то и в троих. Да, Лариса такая девчонка - она может запустить занозу в сердце кому угодно... У тебя что, было что-то с ней в колхозе?..

Игорь: -Если то, что ты имеешь в виду, то нет.

Денис: - Хорошо, что не врешь. А то ведь все наши ребятки супермены – правда, только на словах.

Игорь: -Знаешь, наверное, что-то есть между нами, хотя, мне кажется, мы слишком разные люди...

Денис: -Выкинь это из головы. Твоя невеста еще пошла только в первый класс. У тебя армия впереди. Поверь мне – ждать тебя никто не будет. Тем более Лариса с ее темпераментом.

Игорь (раздраженно): -Ну вот, тебя не поймешь. В пансионате говорил одно, сейчас другое...

Денис: -Одно и говорил, только в разных контекстах...

Стук в дверь. На пороге Слуцкий. Бросает на пол коробку из-под обуви, на дне которой лежат монеты, тараторит:

-Товарищи! Объявляется кампания по борьбе с тараканами. Эти паразиты нас замучили. Десять копеек с человека на химические препараты. Не дадим тараканам сожрать нас живьем. Бой тараканам! Всего десять копеек!

Денис: -Слуцкий, на сей раз твой номер не пройдет, утюжь им головы первокурсников!

Слуцкий (с досадой): -Ну вот, как всегда, придет поручик Лихотин и все испоганит!

Денис: -Игорь, запомни: таким образом этот человек собирает своей кампании деньги на бутылку.

Слуцкий: -Кстати, Лихотин, как у тебя дела? Мне кажется, не далек тот момент, когда тебя попрут из университета. Жаль, ведь такой «человечище»!

Денис: -«Жаль», а злорадствуешь! Любишь чужие неудачи! Конкурентов не переносишь!

Слуцкий (ходя взад и вперед по комнате): - Да, Слуцкий и К° умеют делать деньги. В три дня я получаю то, на что у вас в стройотряде уходит три месяца рабских трудов.

Денис: -Вот именно. Ты ведь на днях продал целую партию курток – и так мелочиться!

Слуцкий: -Лихотин, не путай две вещи – капитал и карманные деньги. Мой капитал давно в дело пущен, а я, как всегда, без денег...

Зато иногда позволяю себе пить французский коньяк и закусывать его устрицами. А ты что

делаешь? – хватает со стола раскрытый учебник, читает название. – «Психология подросткового возраста». Вот этих люблю. Из этих что угодно. Но лично у тебя от этого возраста остался один пережиток, Лихотин. Ты неправильно относишься к женщинам. Ты их боишься. Когда-нибудь я привезу тебе из Заполярья двух отборных телок. Ты не устоишь перед ними, Лихотин. Я за это ручаюсь. Они обработают тебя до беспамятства. Да, а что касается французского коньяка, то меня угощал им один капитан дальнего плавания. Захожу к нему в каюту, а там не стеллажах Ги де Мопассан, Лорка, Гонкуры, Гарди. Черт возьми, интересуется человек, интересуется! - повторил он со вкусом. - Обычно ведь все капитаны кретины, а тут... Ну что ж! – *Слуцкий крутит попавшуюся ему на глаза пустую бутылку из-под вина, потом ставит ее на томик какого-то поэтического гения, лежащий на столе.*

Денис (возмущенно): - Куда ставишь, на Тютчева!

Слуцкий: - Не ори! Нет еще таких гениальных стихов, которые хоть сколько-нибудь стоили бутылки хорошего вина. Конечно, если она полная.

Уходит.

Денис (вслед ему): -Трепло.- Игорю. - Ты с ним поосторожнее. Кроме всего прочего он еще валютой спекулирует. А это статья. Кого втягивает в орбиту своих дел, – садят, или, в самом лучшем случае, из университета вышибают. А с него все как с гуся вода. В общем, темная лошадка. Поговаривают, он кадровый провокатор из спецслужб.

Игорь (почти не слушая): -Плевал я на вашего Слуцкого. Меня от него пока не тошнит. А вот от учебы тошнит. «Для того, чтоб дышать, нужно набирать в легкие воздух», - вот то, чему здесь учат.

Денис: -Не тебя одного.

Игорь: -Брошу я университет. Рутинка и ничего светлого впереди.

Денис: -Не вздумай! Дурное дело не хитрое. Бери пример с меня, приспособляйся. «Хвосты» подчищу, и диплом у меня все равно будет, пусть и не «красный», как у прежних зубрил. Но гораздо меньшей кровью. А главное, пока народ мертвые языки долбил, я в библиотеке кучу редких книг перечитал...

Игорь: -Может, сам ты что-то и постиг. Но без этих программ. Я слышал об одном уникаме, он наизусть запоминал все прочитанные книги. И при этом не мог самостоятельно решить ни одной заурядной проблемы. Так чье же знание важнее?..

Денис: -Конечно, здесь не превратят лжеца в праведника, а эгоиста не научат бескорыстию.

Игорь: -Знаешь, наши школяры напоминают мне мотыльков, случайно занесенных ветром на берег моря. Их завтра бесследно смоеет волна времени, а они и не догадываются об этом... Зачем мы живём! Если я не буду знать этого, мне не сдвинуть себя с места. Ну зачем горят вон те фонари!..

Денис: -Чтобы светить.

Игорь: -Зачем?

Денис: -Наверное, для того, чтоб люди не потеряли дорогу, не заблудились и не погибли.

Игорь: -А почему бы им не погибнуть, если они вообще неизвестно для чего живут!

Денис: -Зачем искать то, чего нет, Игорь. Люди - вспышки. Они зажигаются, чтоб вспыхнуть, породить новые и кануть в лету.

Игорь: -Но это же непереносимо!.. Скажи тогда, чем отличается человечество от колонии бактерий? Вся жизнь - иллюзия какой-то необходимости. Ничто!

Денис: -Есть вопросы, Игорь, которые разрешает только наш возраст. Мы становимся рациональнее. Нет, мы не тупеем. Просто не задираем голову высоко вверх и не смотрим туда, куда нет необходимости смотреть. Мы смотрим перед собой. И действуем так, как нам подсказывает здравый смысл.

Игорь: -Но ведь вопросы эти не перестают существовать!

Денис: -Наверное... Но мы начинаем думать иначе...

Игорь: -А я не хочу думать иначе!

Денис: -Знаешь, когда я был ребёнком, меня вот так же мучил вопрос, что такое «я». Ведь мог же быть такой же точно человек, как я, но не я! Почему так получилось, что «я» возникло именно во мне и именно теперь? Я так ничего и не решил, просто забыл об этом. Как ты про свою заокеанскую фотомодель. А сейчас ты влюблен в Ларису, которую не хотел замечать. Потому что земля ближе, чем космос.

Игорь: -Я тоже размышлял об этом. Но я – это я, а не вы, вот что я знаю, потому что решать придется только мне...

Денис: -Поживи, оклемайся, и все еще изменится... Ладно, вижу я, ты совсем заkis. Завтра познакомлю тебя с одним очень интересным человеком.

Университет. Кто-то трогает Игоря за локоть. Он оборачивается и видит Ларису. На ней миниюбочка с широким поясом.

Лариса (улыбается): -Ой, как я тебя давно не видела! – *поправляет ему прическу, бросив оценивающий взгляд.* - Слышала о тебе много лестных отзывов. Интересно, кто из тебя получится?... О, да! - *спохватывается она. Достает из кармана свёрнутую бумажку, протягивает Игорю.* -Раскрой её!

Игорь стал развёртывать, и вдруг бумажка зашевелилась, будто в ней сидело какое-нибудь насекомое или лягушка. Лариса залилась смехом. Это оказалась резинка, закрученная на протезную в пуговку спичку.

Лариса (перестав смеяться, мягко и серьезно): -Знаешь, Игорь, так пусто на душе... А потому, что не могу больше так. Всё мне надоело, всё. Лучше бы болеть какой-нибудь болезнью. Там хоть знаешь отчего. А тут... Тоска! Понимаешь – тоска! Попрятались все в свои раковины, как улитки. Тебя так давно не вижу... Помнишь, как было хорошо в сентябре?..

Игорь: -Помню. Тогда была настоящая жизнь. А сейчас – искусственная какая-то, фальшивая.

Лариса: -Да! Я хочу туда. Но это никогда не повторится, вот в чем дело. А, ничего ты не понимаешь. Совсем еще ты маленький...

Игорь(обиженно): -Я не маленький.

Лариса: -Ну ладно, ладно. Я же шучу.

Игорь (берет ее за руку, привлекает к себе): -У меня с детства все друзья были старше меня. Они были мне более интересны...

Лариса: -Не обижайся, я не воспринимаю тебя моложе себя...

Игорь (продолжая сжимать ее руку): -Я хотел сказать тебе, Лариса...

Раздается звонок.

Лариса: -Ну, будь...

Убегает.

4

Причудливый деревянный двухэтажный дом с башенками где-то на окраине. Денис и Игорь толкают калитку, идут вверх по скрипучей лестнице. Широкий коридор, захлапленный ворохами одежды, которую никто не надевал, почти музейными экспонатами - прялками, берестяными туесками, самоварами и другой утварью. Оказываются в просторной комнате, собственно, самой мастерской, достопримечательностями которой были ведро, полное использованных тюбиков, на табуретке большая палитра в форме неровно обрезанного овала, самодельный стол на единственной ноге из грубо и неровно обтёсанных досок (одним краем он был приколот к стене, на нём были разбросаны незавершённые зарисовки, а над ним висела иллюстрация из журнала - автопортрет Ван-Гога). Повсюду картины, развешанные на стенах. К одной из стен были прибиты днищами ящички от старого комода, на них стояло множество банок с перепачканными этикетками,

полуразбитые кувшины с кистями всех мастей, на полу валялись листы жести кой-где с обозначенными контурами начатой чеканки, ножницы, инструмент.

Вадим Широков, сколачивавший подрамник, встает и воодушевленно жмет руку Денису.

Денис (Широкову): -Мой друг Игорь.

Широков: -Значит, и мой друг, - также жмет тому руку.

Денис: - Вадим как-то на днях один троих хулиганов раскидал. С одной-то ногой...

Широков: -Да ладно...

Выходит из комнаты его жена, Светлана, знакомится:

-Светлана.

Игорь с удивлением смотрит то на нее, то на ее многочисленные и разные портреты, развешанные на стенах.

Широков: -Достижения есть, но я за успехом не гонюсь, даже в Союз художников не так давно приняли. Союз закрепощает, а я всегда хотел работать свободно. Конечно, насоздавал себе лишних трудностей этим, попасть на выставку мне было очень трудно, но иначе не мог. Лучшие мои работы много лет закрыты от глаз, вот и эта, по апокрифу, тоже.

Игорь рассматривает картину. С нее смотрел старик со спадавшими прядями белых, тронутых отсветами пламени волос, колдующий над огнем. А за спиной искомых безумца стояли невинные обнаженные создания.

Игорь: -Вадим... Будем на «ты»?..

Широков: -Конечно.

Игорь: -А как пришел к тебе этот сюжет?

Широков: -К ее написанию меня подвиг апокриф протопопы Аввакума. Помнишь: чтоб укротить плоть, старик вышел из храма и сунул руку в огонь. Но когда я начал писать, фантазия унесла меня очень далеко, и утверждать теперь, что картина написана по мотивам апокрифа, было бы не точно. Со мной это часто случается. Вот поэтому я почти никогда не даю название картинам, полагаюсь на собственные ассоциации зрителя.

Игорь не может оторваться от картины.

Широков: -Ну раз так – дарю! - снимает картину со стены и подписывает ее Игорю на обратной стороне («Игорю Рагутову, единомышленнику и другу, от души, - Широков»). Что ж, залью сейчас остаток формы гипсом и на сегодня хватит, чайку с вами попьем.

Они прошли по узким коридорам в другую комнату, заставленную чеканкой, мешками с гипсом, формами барельефов.

Широков (смахивая белую пыль с лица): -Ну, теперь разделяюсь со скульптурами, и у меня будет возможность год работать творчески. Я так жаден до работы теперь!

Игорь: -Вадим, тебе не мешает грубая работа?..

Широков: -Вовсе нет, ведь она не требует вдохновения.

Игорь: А многие художники рисуют по памяти?

Широков: -Немногие. Боятся показаться неточными, и ради внешней достоверности нередко жертвуют мыслью. По мне – не тот путь. У меня хорошая художественная память, а человеческая память зачастую глубже природы... Если будет туго с финансами, всегда сможешь подработать со мной по заказам на подхвате, я никогда не жадничаю с расчетом – спроси Дениса.

Игорь: -Спасибо... А я ведь тоже рисовал. Художественную школу окончил.

Широков: -Тем более, получишь практику. Да и научу кой-чему: я преподаватель высшего художественного училища, пусть и бывший.

Денис: -У Вадима талант, бесспорно, да еще какой. Такая высота...

Широков: -Талант - не заслуга! Он прошел сквозь поколения не раскрытым, а потом Бог воплотил его в ком-то. Это долг перед другими, непосильный порой. Долг утвердить правду, красоту, сказать новое...

Игорь: -И не случайно, наверное, человеку такому часто кажется, что за него творит кто-то иной, а он лишь чернорабочий, проводник...

Денис: -Одного не пойму, Вадим, почему в некоторых работах ты как будто ерничаешь, утрируешь...

Широков: -У зла много оружия. А добро беззащитно. И когда добро идет в бой, оно облачается в панцирь из иронии а сарказма.

Светлана (закрывая скрипнувшую старую дверь): -Ой, Вадька, такой безалаберный, никогда не запираешь дом в наш нахальный век...

Широков (не обращая внимания): -Завидую вашей молодости, ребята. И не слушайте никого: юность – неповторимое, сильное время. Сейчас, уже зрелым человеком, рассматриваю то, что рисовал в юности, и у меня мороз по коже: какая свежесть, чистота впечатления! Мастерства, конечно, больше сейчас, но где та цепкость, непосредственность - увы, их не вернешь! Так что – цените юность!

Он продолжал говорить, а рука его бессознательно рисовала шариковой ручкой прямо на скатерти фигуры, профили лиц и вовсе неясные очертания.

Университет. Лекция по старославянскому языку. Фоном звучат объяснения лектора. Они постепенно стихают, и Игорю видится великолепное льняное поле, Лариса... Вечерний костер, парное пенистое молоко. Потом они стоят у крыльца и целуются...

Звонок, перерыв. Игорь смотрит в окно, и вдруг видит – вдалеке Лариса идет под руку со Слуцким. Игорь быстро уходит.

Бессмысленно слоняется по городу. В одиночестве сидит в кафе. Потом проходит в зал развлечений, садится в яйцеобразную кабину из оргстекла, слышит голос диктора: «Если вам одиноко, вас постигло горе или несчастье, пользуйтесь услугами заочной службы доверия...» Снимает трубку.

Игорь (в трубку): - Вам не кажется, что человечество погубит излишняя рационализация?

Приятный женский голос в трубке: - Странный вопрос. Нам нужно прежде всего знать, что случилось.

Игорь: - Да ничего. Я ступаю по чужой жизни, и она, как паутина, затягивает все дальше и дальше. Когда же я вернусь? И куда?..

Голос: -И все-таки, что произошло?

Игорь: -Государство использует человека в отведенных для него рамках, учит его и говорит ему то, что считает нужным. Человек перестает быть самим собой. Он становится гайкой. Ваши университеты производят роботов. Да и сам человеческий мозг стремится все рационализировать. По-настоящему мыслящие люди не нужны, они мешают конвейеру.

Голос: -Подождите... Сколько вам лет, род занятий, ближайшее окружение?

Игорь: - Мне семнадцать лет, и род моих занятий – никакой. А окружение – ваш город.

Голос: -Почему «ваш»? Вы не местный?..

Игорь: - Какое это имеет значение! Когда я жил в деревне со своими друзьями, понимаете, в лесу, я не был в таком одиночестве!

Голос: -Тогда вам можно посоветовать вернуться туда, вы отдохнете, обретете покой, взглянете трезво и... в конце концов, займитесь спортом! В здоровом теле здоровый дух.

Игорь: - Но я не могу вернуться туда...

Голос: - Почему же?

Игорь: -Видите ли... Как бы вам объяснить... Это для меня пройденный этап. Я знаю, что не встречу там ничего нового ни в себе, ни в других.

Голос: -Вы найдете со временем нужную интересную работу, обретете круг единомышленников, и будете счастливы.

Игорь: -Клетку? Спросите, кто до конца доволен своей работой. Вы очень редко встретите такого человека. А человек, который стал роботом, не может быть счастлив.

Голос: -Вы максималист. Эта черта свойственна юности. Но вы глубоко заблуждаетесь. У вас нет опыта и поэтому вы судите о жизни опрометчиво и поверхностно. Все еще наладится...

Игорь: -А знаете что... Мне сама идея вашей службы кажется нелепой. Вы хотите заменить священника, но церкви-то нет...

В трубке щелкает, как будто переключили запись. Потом раздаются три длинных гудка, и механический голос рапортует: «Отпущенное вам время истекло. Беседа прекращается. Благодарим за доверие».

5

Вечер, комната университетского общежития, новогодняя елка, веселое застолье.

Денис Игорю (на фоне общего шума): -Зря ты отчислился из универа, зря!

Игорь: -Зато теперь свободный человек. Вот отмечу с вами Новый Год и уеду домой, в Серебряные Родники.

Денис: -Дурак ты, а не свободный человек! Держался бы, как все. Об этой жизни в Городе, в университете, многие лишь мечтали. Все у тебя было впереди. А теперь...

Игорь: -Не читай мне нотаций. Это была не моя жизнь. Моя жизнь – не здесь.

Денис: -Да тебя в армию заберут, дурила.

Игорь: -Я русский человек, отслужу.

Денис хочет что-то сказать в запальчивости, но лишь смотрит на Игоря, как на больного. Слышатся тосты, смех.

Игорь (негромко): -Ладно, пора начинать уход в трансцендентность.

Денис: -Нет бы по-русски сказал: «Давай, вмажем за Новый Год!»

Все выпивают, быстро «тепеют».

Стуцкий (Денису, не совсем трезвым голосом): -Поэт! Ведь ты у нас поэт! Прочти что-нибудь поэ-тицкое!

Денис (с иронией):

Когда я буду умирать,
А умирать, наверно, буду,
Ты загляни мне под кровать
И сдай порожнюю посуду.

Появляется Лариса, тихо присаживается. Игорь берет гитару, поет:

«Есть только миг между прошлым и будущим...»

Лариса: - Какой ты... разный, Игорь. А глаза у тебя сегодня... не родные какие-то. По ним сразу видно: ты что-то знаешь. Ты многое знаешь!.. Но мне тебя не понять, наверное, никогда.

Игорь (негромко): -Да ничего я не знаю...

Одна из девушек (Игорю): -Ты заходи к нам почаще!

Звучат куранты, хлопают шампанское, все хватаются за руки и убегают вниз, в танцзал. Шум, музыка. Стойка бара.

Игорь (Денису, разгоряченно): - Ты презираешь меня за то, что прожигаю жизнь без всякой цели, пью вот здесь вместе с вами, потому что мне больше некуда идти!.. Так знай, вы мне тоже не нужны!

Денис: - Ты глупость говоришь, понял! У меня самого все наперекосяк!

Денис отходит.

Игорь (Вике Веселовой, нетрезво): -Как ты думаешь, что такое человечество?

Вика: -Все философствуешь...

Игорь: -Человечество – колония бактерий, которая зачем-то напялила на себя маску высокоразвитой цивилизации! Его ждет хаос. И какая разница, наступит ли он сам по себе, или мы станем творить его сами!..

Вика: -Разуй глаза: Новый год идет, и жизнь – прекрасна!

Игорь: -Конечно. Если ни о чем не думать.

Откуда-то взявшийся Слуцкий: -Что ты здесь делаешь?

Игорь: -То же, что и ты.

Слуцкий: -Хочу помочь тебе. И ты не спрашиваешь, почему? Потому что я тебе симпатизирую. Я помогаю только тем, кому симпатизирую. При этом рассчитывая на взаимность, естественно.

Игорь: - Как?

Слуцкий: - Держись меня, и у тебя все будет, понимаешь? Будут друзья, настоящие друзья, деловые люди, которые все могут, у которых власть, а не словесный понос. Это не твои поэты – графоманы. Девиз будет море, шикарных девиц высшего класса, что знают толк в жизни, не чета твоим колхозным любовям, которые ты поэтизируешь.

Игорь: -И что я должен буду делать?

Слуцкий: -О, слова не мальчика, но мужа! Об этом поговорим позже. А сейчас ведь праздник, и мы просто немного расслабимся. Кстати, как у тебя с финансами?

Игорь (роясь в бумажнике): -Хватает...

Слуцкий: - У тебя, кажется, юбилейный рубль. Дай на время!

Игорь: -Ради Бога. А зачем тебе?

Слуцкий: -Я из него десять сделаю.

Игорь: -Каким образом?

Слуцкий: -Продам иностранцу.

Слуцкий уходит делать заказ.

Игорь прислушивается к разговору за соседним столиком:

-...имеет ли из двадцати человек молодежи хотя бы один цели и убеждения? Век автоматика и нравственный застой - парадокс? Человечество стремится обогнать время, чтоб избежать коллапса, но... Отсутствие конечного итога? Да. Человек поживет, побесится, женится, нарожает детей - и пошло. Это естественно. А самоубийство противоестественно. Мы подвержены коду природы, надо выполнять его...

Появляется Слуцкий (с флегматичными и смурными девицами и кучей бокалов на подносе): -Что все такие мрачные? - Он бросает каждому в бокал по таблетке, которые шипят и быстро растворяются.

Выступает изолирующийся в спецэффектах рок-ансамбль. В зале прыгают до потолка.

Ведущий со сцены: -Только у нас, в волшебном дворце нашего чудесного города вы попадете в неведомый лабиринт, в страну кривых зеркал и фей, а кому повезет, тот встретит там свою любовь, свое счастье, воплощение мечты! Да, вы непременно встретите их! Наш великий, прекрасный город откроет перед вами все двери ваших желаний, вас ждет ночь чудес, спешите взять свой билет...

Игорь (обращаясь к сидящей рядом девице): -Вам здесь нравится?

Девушка (пуская ему в лицо сигаретный дым): - Чево?..

Игорь: -П-послушайте, да вы все – сумасшедшие!..

Девушка: -Сам ты – сумасшедший!

Игорь направляется к выходу. Он идет по какому-то невообразимо длинному тоннелю, ускоряя шаги. Оборачивается – и видит каменистую пустыню. Ее поверхность испещрена неразборчивыми письменами. Это имена его друзей. Он берет в руки начертанные строки, похожие на бумажные змейки, и они медленно рассыпаются струящейся пылью. Он рванул и побежал...

Бредовая завеса неожиданно поползла прочь. Оказывается Игорь сидит все за тем же столиком, но в зале почти никого нет. По стенам колышутся тени.

Бесцельно слоняется по пустынным коридорам. В одном из сумрачных холлов, скрытых вьющимися до потолка ползучими растениями, замечает парочку, сидящую на диване. Присматривается. Это Лариса и Слуцкий, Слуцкий ее обнимает.

Слуцкий: -Ну вот, как всегда не во время.

Лариса: -Очень даже во время.

Игорь: -Лариса, я попрощаться хотел. Уезжаю домой, ведь и не увидимся, наверное, больше...

Слуцкий: -Придумал. Ты хоть знаешь, который час!

Игорь собирается развернуться и уйти.

Слуцкий (негромко, с презрением): -Сосунок...

Игорь (возвращаясь): -Что... Что ты сказал?

Игорь хватает Слуцкого за грудки, тот встает и пробует боксировать. Лариса неистово визжит. Валяются на пол горшки с растениями. В конце концов, получив удар, Слуцкий распластался недвижимым на полу.

Лариса (надрываясь): -Идиоты, придурки!!

Игорь выходит на улицу. Он идет быстрым шагом, не оглядываясь.

Высятся неприступные башни университета, башни которого так манили когда-то. Визг тормозов, падающая человеческая фигура, темноту озаряет ослепительный свет. Ясно, что происходит что-то страшное.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Семь лет спустя

Действующие лица

Повзрослевшие герои первой части, а также:

Петр Пантелеевич Глотов, делец, художник, депутат, около 50 лет

Алексей Заболотов, невзрачный человек лет 35, его прислужник

Орляков, заслуженный художник, портретист, 50 лет

Сельский священник, лет 45

Николай Константинович, художник, около 70 лет

Медперсонал больницы.

Деревенские жители: мужчина на берегу; приятель Игоря; старушка; бабушка Анна.

Другие проходные фигуры: отец Игоря Рагутова (молодой, в воспоминании); скептик (в разговоре с Глотовым); конферансье; коллекционер; милиционер-взяточник; старушка, отдавшая икону Глотову; журналистка; грабитель; журналист Митя; следователь; официантка; два милиционера в штатском.

1

Стремительный бег мотоциклиста, убегающего от городских небоскребов, летящего сквозь леса мимо маленьких поселков. Лица мотоциклиста не видно – оно скрыто шлемом с затемненным стеклом. Машина останавливается на обочине аллеи у стен большого древнего монастыря, стоящего на уединенном живописном берегу озера. Скупые, высокие удары колокола в вышине. Здесь течет неспешная жизнь, здесь можно встретить туристов, верующих, художников, музыкантов и просто праздных и любопытных. О том, что мотоциклист - художник, говорили папки и мольберт, закрепленные на боковом

багажнике.

Молодой археолог аккуратно щёточками очищал скелет, глубоко под землёй захороненный в своеобразный каменный саркофаг, копирующий очертания головы и тела. Несколько человек наблюдают за работой юноши.

Художник сел на траву в тени старой размашистой березы. Он показан в полупрофиль сзади, и черты его лица не просматриваются зрителем. Хорошо видна аллея, ведущая к монастырским воротам. В самом конце аллеи молодая брюнетка сидит за мольбертом. Это Лариса, красивая, повзрослевшая.

Мотоциклист добрал до конца аллеи и остановился за спиной у Ларисы, наблюдая за ее работой. Она была так увлечена, что не обращала на него внимание.

Мотоциклист: -У вас слишком доминируют ворота. Уменьшите их.

Лариса (не отрываясь от рисунка): -Пожалуй, вы правы.

Мотоциклист: -Чей-то заказ?

Лариса: -Нет, для себя рисую.

Мотоциклист: -Это наиболее верный путь. Только размышляя о себе, можно чего-то добиться в жизни.

Лариса (усмехаясь): -Спешите сделать комплимент красивой женщине?

Мотоциклист: -Вовсе нет, хотя вы достойны комплимента. Это помогает в работе с учениками?

Лариса: -Я давно не работаю в школе.

Мотоциклист: -Что же так?

Лариса: -Разве не знаете, в кого эта чертова перестройка превратила учителей. Не хочу быть нищей и попрошайкой.

Мотоциклист: -В университете вы мыслили себя только педагогом.

Лариса впервые растерянно глянула на собеседника, встала, карандаш выпал из ее рук.

-Игорь, Рагутов, ты?!.

Теперь видно, что таинственный мотоциклист – возмужавший Игорь Рагутов.

Он ничего не сказал. Лишь привлек ее за талию и поцеловал не крепким поцелуем. Так они стояли достаточно долгое время.

Игорь: -Ты замужем?

Лариса (несколько смущенно): -Теперь нет.– Отстраняет, наконец, его руку. – Целует, а потом спрашивает, замужем ли.

Короткая пауза.

Лариса: -И где ты сейчас, что делал все эти годы?

Игорь: -Отслужил в армии. А сейчас, сейчас я - художник. Я долго думал о своей жизни и о жизни вообще, и понял: что человеку дано, то дано. Хотя, конечно, никакой стабильности. Живу у Широкова, вместе с ним исполняем заказы. Он меня многому научил.

Лариса, задумчиво: -Все-таки стал художником. Я помню...

Игорь: -Нет, не стал. Я им и был всегда. С этим рождаются, с этим умирают... А ты?

Лариса: -Сейчас в реставрационной мастерской иконы реставрирую. А, ведь ты ничего не знаешь... Поработала в школе. А потом закончила училище реставрации... Никто из наших не разбогател. Вика подалась в актрисы, но театр у нее на родине закрыли, казино сделали, и она работает уборщицей. Лихотин зав отделом в областной газете у вас в Серебряных Родниках – да ты, наверное, знаешь. Разбогател только Слуцкий.

Игорь: -Не за ним ли уж ты была замужем?

Лариса: -Нет. Глупый ты глупый. У меня не было с ним ничего. Клеился, вот и все... Так вот, Слуцкий... Ему дали восемь лет за спекуляцию валютой. Но отсидел он года два, выпустили, ведь все изменилось, перепродавать стало правилом хорошего тона. Сейчас живет в Израиле, богатый человек, и про нас он забыл давно... Муж мой был предприниматель. Но его убили два года назад. Мелкие и средние предприниматели, кто все своими руками добывается, сейчас долго не живут... А ты? Женат?

Игорь: -Нет.

Лариса: -Зато женщин, наверное, море было. Ты у нас парень видный.

Игорь: -Живешь где, Лор?

Лариса: -Своя квартира. Но это все, что у меня есть. Да еще железяка, - она показала на запыленный, болотного цвета «Фольксваген»-универсал, прикорнувшийся носом у замшелых стволов.

Игорь, смеясь: -Неплохая «железяка». Моя поскромнее будет,-указывает на свой спортивный мотоцикл.

Лариса (тихо и немного растерянно): -Вот ты говоришь, уже давно в Городе... И совсем не пытался разыскать меня?..

Игорь: -Столько лет прошло. Иногда кажется, целая жизнь. Я вернулся в Город, и почти никого не нашел из наших прежних друзей. Да и страны прежней не стало... Ясно было, что ты замужем. Беречь прошлое?..

Лариса (с грустью): -И ты не вспоминал меня?..

Игорь (сжимая ее руку): -Конечно, вспоминал. Я ничего не забываю.

Лариса (невольно прильнув к нему): -Тот страшный случай, когда на тебя наехала машина... Все эти годы я чувствовала в этом свою вину, и ничего не могла с этим поделать. Боже мой, какие дураки мы оба тогда были!..

Игорь: - Как вчера помню, как ты зашла ко мне в больницу...

Следует сцена из прошлого в не цветном изображении, с преобладанием коричневатого оттенка.

Операционная. Врач и медсестры, склонившиеся над пациентом, лежащем на операционном столе.

Доктор (бодро): - Парень молодой, здоровый, выдержит!

Игорь слабо улыбается.

Его увозят на каталке по коридору.

Отдельная палата.

Игорь (тихо стонет): -Пить.

Никого. Потом кто-то ставит ему на тумбочку литровую банку с соком. Он с трудом до нее дотягивается.

Игорь: -Сестра!! Мне не помогает укол!!

Сестра включает свет. Тихо: -Ничем не могу помочь...

Ворочается, стонет. Слышит через полуоткрытую дверь чей-то тихий разговор:

-У него была клиническая смерть. Выкарабкался...

Днем к нему зашел доктор, прощупал пульс, сказал радостно: -Ну, парень, ты в рубашке родился, счастливчик! Переводим тебя в общую палату.

Игорь: -Что со мной было, доктор?..

Доктор: - Дорожное происшествие. И довольно серьезное. Но теперь – все позади. Будешь жить!

Он лежит на койке. Медсестра приносит ему целлофановый пакет. Там фрукты, выпадает записка. Читает: «Игоречек, я жду внизу. Выйди ко мне, пожалуйста, если можешь...» Тяжело опираясь о перила, но все-таки довольно резво он поковылял по лестнице вниз, туда, где обычно встречались больные со своими близкими. И увидел Ларису. В черном плащике стояла она, оперевшись о стену, и лицо у нее было озабоченное. Заметив его, она заулыбалась с едва сдерживаемым восхищением, взяла его за руку:

- Сколько в тебе жизненности, силы! Как хорошо, что ты жив!..

Она прильнула к нему, растроганная.

Снова съемка в цвете.

Лариса: -А служилось тебе как?

Игорь: -По-разному. Через полгода меня определили в полковые художники, и мне

это дало некоторые преимущества...

Лариса: - И все-таки зря ты бросил универ.

Игорь: -Нет, не зря. Я себя не мог найти, и мир был для меня чужим. А сейчас, кажется, нашел.

Лариса: -Хочешь иметь постоянную работу? На подхвате, конечно, и денег немного. Зато творческая атмосфера, понимающие тебя люди, свободный график...

Игорь: -И где?..

Лариса: -У меня, в реставрационной мастерской. У меня там порядок. Мужики слушаются беспрекословно.

Игорь: -Я подумаю. Когда увидимся?

Лариса: -Послезавтра, – она протянула ему визитку.

Игорь: -Идет. А я покажу тебе прекрасные места, здесь, всего в сотне километров от монастыря. Там живет моя родня.

Лариса (смеясь): -Идет.

2

Безлюдный песчаный берег очень широкой реки с темными лесными водами. Машина брошена неподалеку. Костер. Раннее утро, восходит солнце.

Лариса (она в купальнике): - Боже мой, как же не хватало мне этих восходов, как давно я их не видела! Это и впрямь самое лучшее место на земле!

Игорь уходит проверить перемет в притоке реки. Возвращается с тремя молодыми щуками, продетыми жабрами на вичку: -Вот добыча.

Лариса: -О, отлично!

Игорь разделявает улов, Лариса чистит картошку.

Игорь: -Знаешь, Лариса, я никогда не говорил тебе этих слов... А когда увидел тебя спустя все это время, лишь понял, что только одно могу сказать: что люблю тебя.

Лариса: -Спасибо, что сказал это... А я думала, я думала, ты всё забыл. Если б ты ушёл тогда, у монастыря... мне бы стало очень грустно. Знаешь, я испугалась. Я вдруг почувствовала, какой ты близкий... И мне страшно стало. Ты всё знаешь, всё видишь. Значит, ты чувствовал, ты чувствовал, что всё начнётся сначала. А ты так был со мной холоден последнее время тогда, в университете. Казалось, тебя занимало что-то гораздо более важное, ты меня перестал замечать. Меня это оттолкнуло. А мне ведь тоже нужна была поддержка... Ой, нет, это я во всём виновата, надо мне было удержать тебя тогда!.. Но как ты изменился, Игорь! Характер у тебя изменился сильно. Ты земной стал, чуткий.

Игорь: - Трудно сказать, что со мной тогда происходило. Я словно назло себе старался все делать, наперекор здравому смыслу. Плохо, так пусть же будет еще хуже! Такой, наверное, принцип был у меня. Я всему миру перестал доверять. Самое жестокое было в том, что у меня не было никакого опыта, и то, с чем я сталкивался, казалось мне единственным. Но теперь я увидел жизнь с разных сторон. Это мое оружие.

Лариса (мягко): -Игорёк. Почему мне так всегда спокойно с тобой? Никого больше не встречала такого, как ты.

Игорь: -«Психологическая совместимость» у нас с тобой, наверное. Викин любимый термин. Как-то она живет теперь?..

Лариса: -Нет, это не «совместимость». Это выше, гораздо выше! А Вика, она на родине, и у ней все не просто...

Целуются.

Лариса: -Игорёк, можешь не верить, но ни с кем я так больше не целовалась, как ты уехал.

Игорь: -Странно, Лариса: у меня такое чувство, что мы расстались с тобой на каникулы, всего лишь на наши прежние университетские каникулы, а сейчас встретились, а завтра нам в университет, и мы будем вместе.

Лариса: -Игорёк, я помню, ты сказал как-то, тогда ещё, что мы выдумали друг друга. Зачем ты так сказал, это не правда! Нас всегда друг к другу тянет, прямо как магнитом. И ничего поделаться нельзя с этим. Наваждение какое-то...

Игорь: -А характер у меня не изменился, Лариса. Тогда я в тумане жил, в сумбуре, в отчаянии. Теперь я больше стал ценить жизнь, потому что она одна. Сейчас вот вспоминаю, сколько любящих меня людей, единомышленников прошло в то время, многие искали моей взаимности, а я никого не замечал, не ценил, прошел мимо, надеясь на что-то иное, а сейчас вижу: вот тогда и было настоящее!.. Да, от идеалиста и максималиста, от прежнего экспериментатора над жизнью не осталось и следа, - он еще хотел добавить, что закалён реальностью и смотрит на неё трезво и без трепета, но остановился, подумав, что Лариса превратно истолкует его слова.

Лариса (с лукавинкой): -...глаза у тебя какие, все такие же. Ты не обидишься, если я скажу... Я не знаю, как сказать по-другому, не могу подобрать слово... Глаза у тебя пьянящие. Я голову теряю с тобой... Так странно и трогательно, что ты решил стать художником...

Игорь: -Если бы это случилось раньше, я бы кое-чего, наверное, уже достиг...

Лариса: -Пожалуй, да. Но не расстраивайся, какие наши годы! Не ты последний. Например, Ван Гог сделал первый рисунок, когда ему было тридцать, да и то случайно: он слишком обозлился на ростовщицу и в отместку стал рисовать на нее карикатуру... Но ты молодец, Игорь. Мне очень нравится твой стиль, очень. А Широков тебя многому научит, он два лучших художественных вуза страны закончил, сам несколько лет в «мухинке» преподавал, доцент. Умница. Нет, гений, за ночь шедевры создаёт... Расскажи мне, как жил эти годы.

Игорь: -Не так интересно, как тебе может показаться.

Лариса: -А в армии?..

Игорь: -Наивные женщины! Там нет никакой романтики.

Лариса: -И все же я хочу все о тебе знать, в подробностях, ведь ты мой теперь, мой...

Игорь: -Скупнемся.

Плывут.

Лариса: -Пора возвращаться.

Игорь: -Знаешь, мне очень хочется узнать, что на том берегу. В моем раннем детстве там был один лишь лес, да начинали строить, кажется, что-то.

Лариса: -Ты сумасшедший! Туда не доплывешь – километр, наверное, целый.

Игорь: -Не забывай, я спортсмен, пусть и бывший. Держаться умею. Тем более вода обалденно теплая. Ты возвращайся, а я – вперед. Не обидишься?..

Лариса: -Что с тобой поделаешь! Я хоть займусь шашлыком: зря мы что ли брали баранину.

Игорь очень долго плывет. Наконец, ступает на желтую полосу берега. Удивительная красота, сосновые боры. Он побрел вверх по единственной песчаной дороге, усыпанной старой хвоей. За очередным ее зигзагом показались двух-трехэтажные корпуса из силикатного кирпича, кинотеатр, игровая баскетбольная площадка, небольшой стадион, беседки, деревянные фигурки гномов. Видимо, бывший пионерский лагерь. Но все это заброшено, ни души. Вдали стоят богатые особняки, работает экскаватор – строят очередной дворец.

Неожиданно видит пожилого мужчину, неспешным прогулочным шагом двигавшимся к реке.

Мужчина: -Откуда, мил человек, будешь?

Игорь: -Я с того берега.

Мужчина: -Я так и понял. На лодке? Или моторка у тебя?

Игорь: -Да нет. Я вплавь. Спортом занимаюсь.

Мужчина (недоверчиво): -Впла-авь?! Да тут же полкилометра, если не больше. Да оно и лучше, что безо всего. А то у особо настырных охрана лодки-то портит: частная

территория, в том числе и пляж.

Игорь: -А вот пляж нельзя по закону в собственность брать.

Мужчина: -«По закону». Разве не знаешь: где деньги, там и закон.

Игорь: -Сам-то вы местный?

Мужчина: -Да, родился здесь, в деревне неподалеку. Боимся теперь – как бы нас не погоняли.

Игорь: -А что это за брошенный городок?

Мужчина: -Лагерь был здесь пионерский много лет. Детишек каждый сезон помногу отдыхало. А потом сам знаешь – цены на путевки вздули, а зарплаты у людей нищенские. Кто ж поедет!.. А государство плюнуло на все. Да и государства-то того нет... Но ты не думай – место это давно куплено кем-то из этих. Сломают все да виллу построят. А может, чего другое упридумают...

Игорь ступает в воду, плывет обратно. Поднимается сильное волнение на реке. Вот и берег.

Лариса: -Ну, ты пропал! Я заволновалась уже! Чего хоть там делал – нету и нету.

Игорь: -За меня не волнуйся – я, как рыба, воды не боюсь. Еще видел пионерский лагерь. Представляешь, целый городок – и все заброшено. Как на погосте побывал. Еще на том берегу много водорослей, и я видел плывущую прямо в воде змею, державшую голову выше поверхности, и поначалу даже принял ее за какую-то диковинную рыбу.

Лариса: -Змея - показатель экологической чистоты. Она не будет жить рядом с цивилизацией. А еще символ мудрости, знаешь это?.. Ты продрог?..

Они обнялись, упали в траву, и хотя костер давно потух, им было жарко...

Она часто дышала, и крылышки ее ноздрей жадно разлетались. Было видно, как по упругому и крепкому телу ее, словно под воздействием электричества, пробежала волна конвульсивной дрожи, она вздохнула с истомой, потом засмеялась довольно, почти самозабвенно:

-Наверное, нас потеряли твои родственники: целый день здесь!

Игорь: -Пожалуй, ты права. Надо вернуться пораньше, хотя бы из приличия.

Игорь сел за руль.

Лариса: -Поосторожнее: привык гонять на своем двухколесном драндулете. Никогда так не наслаждалась! – вдруг вырвалось у нее с испытующей и вместе с тем притупленной стыдливостью.

В деревне небольшое гулянье. И местные, и приезжие пляшут на полянке под неприятельские звуки магнитофона. Лариса накинула на купальник полупрозрачное испанское парео – стояла теплень, и стесняться было некого.

Пряатель детства Игоря («поддатый»): -П-первый раз вижу тебя с женой. И вы давно женаты?

Лариса с Игорем с усмешкой переглянулись.

Лариса: -Не очень.

Пряатель: -А дети где?

Лариса, смеясь: -Дети будут немного попозже.

Пряатель: -Приедут что ли?..

Лариса: -Конечно, и мы тоже будем всегда сюда приезжать.

Пряатель: -Красавица у тебя жена, Игорь!..

Лариса: -Спасибо. Но вы меня не удивили: я давно это знаю.

Звучат весёлые песни.

Глубокая старушка (Игорю и Ларисе): -Дойдите до бабушки Анны. Ей девяносто два. Заговариваться стала. «Запрягай, говорит, лошадь, поехали домой». А дом наш в войну фашисты сожгли. И лошадей лет уж сорок здесь не бывало...

Игорь и Лариса бредут по длинной лесной дороге, среди многих брошенных ныне изб. Скринула крошечная калитка. Бабушка лежала на кровати, дремала. Взгляд Игоря упал на

такие знакомые с детства овалы портреты юноши и девушки на стене. На них до сих пор черная траурная лента. Это его дядя и тетя, которых он никогда не видел. Они сожжены в том страшном пепелище войны. Далее – фотографии других предков, белых и красных офицеров.

Бабушка Анна (ласково, у неё ясный, чистый взгляд): -Милый, ты кто?

Игорь: -Не узнала меня, бабушка?

Бабушка Анна: -Милый, признала, признала! Как матушка, батюшка?

Игорь: -Хорошо..

Бабушка Анна: -Когда молодая была, приснился мне Христос, оросил он меня святой водой, веничком побрызгал. Все гадала, что это значило... Не знаю. Чего ж он теперь-то смерти мне не дает, ведь и не вижу нынче ничего...

Лариса (задорно): -Да будет вам, бабушка!

Бабушка Анна: -Это кто, не жена твоя?

Лариса (весело и уверенно): -Жена, жена.

Бабушка Анна: -Слава Богу, спокойно хоть помирать буду.

Лариса, Игорь: -До свиданья, бабушка.

Игорь стоял, вобрав голову в плечи, чтоб не стукнуться о потолок старинной избушки, улыбался.

Игорь и Лариса уходят, обнявшись, целуются по дороге.

Лариса: -Знаешь, я как будто увидела историю страны. Вот они, эти старики, молодежь, бросившая деревню, фотографии на стене – и все можно понять без книг и лекций... И знаешь еще что: я обязательно хочу приехать сюда следующим летом.

Она больше не доверила ему машину, заметив, что Игорь слишком лихачит. Он смотрел на пробегающие за окном памятные места, и в душе его до сих пор звучала отчаянная песня, «крутившаяся» вчера на магнитофоне. Дорога была долгая.

Лариса (сдаваясь): -Ладно. Я подремлю. Садись за руль, и не вздумай гнать больше ста сорока!

(Сама она держала ровно сто двадцать).

Когда подъезжали к Городу, Лариса открыла глаза.

Лариса: -Ну все, кыш, кыш. Это тебе не по прямой ехать. У тебя нет практики, движение сумасшедшее. Пересаживаемся. Завтра трудный день. Столько часов за рулем. Передохнуть нужно как следует. Едем ко мне, Игорек.

Игорь: -Надо предупредить Широковых, я им обещал вернуться вчера. Тем более это по пути.

Лариса: -У тебя много барахла в той трущобе?

Игорь: -А что?

Лариса (таинственно улыбаясь): -Забирай его сразу.

Поднявшись по скрипучим ступенькам деревянного дома, они наткнулись на Вадима Широкова.

Широков: -Так вот с кем ты пропал, конспиратор! Давным-давно не видел тебя, Лорочка. Чайку?

Лариса: -Нет, мы очень устали и торопимся.

Широков: -Так отдыхайте, сколько вздумается.

Лариса: -Спасибо, но... В общем, Игорь перебирается ко мне.

Широков (хихикая по-детски): -Ну вы, блин, ребята, даете! Уж замуж невтерпеж? На свадьбу хоть позовете?

Лариса: -Придется. Свидетелем. Ведь ты уже третий человек, который нас женит в последние два дня.

Ее квартира была двухкомнатной, но крупногабаритной, со вкусом обставленной очень дорогой роскошной мебелью. Рано утром Лариса ушла на работу. Порывшись в наспех брошенных вещах, он извлек необходимое – бумагу и черный карандаш, делает

наброски портретов Ларисы, один, другой...

Подходит к окну. С высоты многоэтажки ему виделся белокаменный город в близине начинавшегося дня.

Сцена-воспоминание, в черно-белом цвете.

Взрослый мужчина и маленький мальчик бредут по деревенской дороге, той, по которой Игорь и Лариса шли в деревне.

Мальчик (Игорь в детстве): -Папа, а ты вел дневник? Или делал рисунки?

Отец: -Нет.

Мальчик: -Но ты ведь такой большой человек, так много видел и знаешь – и ничего не записал? Получается, ты зря жизнь прожил.

Отец (смеясь): -Что ты, малыш, не зря. Просто каждый должен заниматься своим делом... Главное богатство – то, что в душе. И человек должен отдавать его другим. Тогда и жизнь будет прожита не напрасно.

Снова цветная съемка.

Вечер. Звонок в дверь.

Лариса: -Я успела соскучиться... Какое счастье, прийти домой, и знать, что тебя ждет родной тебе человек. Я так долго была одна...

Разглядывает рисунки, валявшиеся на полу.

Лариса: -И когда ты успел все это подглядеть?..

Игорь: -Завтра у меня тоже начинается рабочая неделя. Лепим кое-что у Вадима – неплохой заказ. Он великодушный работодатель, и дал мне лишний день передохнуть...

Сняв юбку, Лариса бродила по квартире в черных, стройнивших колготках. В ней красота, усталость, недостижимость, таинственность.

3

Дом Широкова. Идет изготовление форм для больших барельефов. В мастерской Широков, Игорь Рагутов, помощники.

Помощники с преувеличенной резвостью бегали за водой, заваливали из бумажных мешков алебастр в ванны, торопясь, чтоб тот не успел застыть, бросали его шлепками – так он лучше схватывался – в форму; брызги летели в лицо, они грубо острили, ругались шутя.

Широков (с юмором): -Вообще, Игорь, иметь жену дело хорошее, но она должна быть круглой душой.

Игорь (не чувствуя подвоха): -Почему?

Широков: -Сам подумай: ну как можно заниматься этим с нормальным человеком!

Парни гогочут. Когда основная работа была выполнена и оставались лишь мелкие доводки, они ушли.

Широков (смеясь): -Вот так несколько дней полепил с ними, сам бесшабашным стал, один ветер в голове. Гоп-компания... Помню, когда был студентом, преподаватели с простейших натюрмортов поучали нас премудростям письма, тому, как следует вести линию, и как ее вести не следует. Уже тогда, хоть речь и шла о кружке или вазе, я спрашивал: «А если я так вижу их, так представляю?..» А результат дидактики был один – многие ошаблонились, потеряли самобытность, стали ремесленниками. А ведь интереснейшие работы были, такие надежды! - восклицает Вадим. - Лучше бы нигде не учить их. Человеческая личность развивается не только по законам общества, но и по своим собственным законам. И те, кто дает поучения – а их, как правило, дают те, чей творческий полет ограничен - они-то как раз и полагают, что знают личность художника лучше него самого!.

Работают.

Широков (продолжая): - Я всегда бежал от обыденности в молодости, чего бы мне это ни стоило. Ненавидел обыденность, спокойствие, лживую устроенность... Шел на самые рьяные авантюры, и они оборачивались для меня в редких случаях не плачевно. На юге поступал в художественное училище, целый месяц жил прямо на помидорном поле, так как денег не было: питался помидорами, лишь хлеб покупал. Там и спал. Днем изучал литературу по искусствоведению на том же поле...

Умываются после работы, Широков ставит на плитку чайник, и в ожидании чая извлекает одну из своих картин на военную тему. На ней были изображены два солдата, бегущие навстречу друг другу – немец и русский.

Широков: - Историю эту мне рассказал дядя. В войну он был молодой совсем, но уже воевал. Во время боя дядя выскочил из оврага прямо навстречу бегущему в его сторону немцу, у обоих автоматы наперевес, но в какой-то миг они успели взглянуть друг другу в глаза. И этот миг решил все. Они выстрелили одновременно друг в друга, но не по телу, а по ногам. А дядя рассказывал: «Если бы встретил сейчас того парня, бутылочку бы распили с ним. Я зла на него не держу. И он, думаю».

Игорь рассматривает залежи старых Широковских работ, Игорь наткнулся на целую их серию, рассказывающую о жизни послевоенного поселка.

Широков (стирая пыль с картины): - Портрет одноклассника. Мне должны были поставить за год двойку по немецкому. Я ненавидел этот язык и не учил его. Столько наших односельчан полегло от немцев! Тот парнишка у нас в классе был тихий, незаметный. И он вдруг так горячо за меня заступился и долго доказывал, что я знаю язык, просто не показываю знания. Вечером я пошел его искать, решив, что сейчас навсегда подружусь с ним. Пришел к нему домой и увидел что-то кровавое, прикрытое простыней. Это был он. Только час назад заступник мой пошел с товарищами в лес и подорвался на фашистской мине.

А знаешь, на хорошую мысль ты меня натолкнул, Игорь. Уже столько лет эти работы закрыты от зрителя. Пора показывать.

Игорь: - Давно пора!

Вадим заваривает чай в большом чайнике из глины: - Все чаще размышляю о синкретическом искусстве будущего, в котором музыка, живопись, скульптура, поэзия будут слиты воедино...

Приходит из магазина жена Широкова Света, принеся пирожки в целлофановом пакете. Вмешивается в разговор: - Если искусство стоящее, ему не нужны вспомогательные подставки в виде другого.

Игорь: - Но это не подставки, а дополнение...

Широков: - Действительно, милочка. Человек постигает жизнь всеми органами чувств. Если искусство будет воздействовать на все из них, как воздействует на нас жизнь, то он и получит весьма полные впечатления... Ну, Игорь, дорогой мой, вижу я, ум у тебя жадный, хваткий. Тебя надо за волосы и мордой в грязь, чтоб радость жизни почувствовал. И тогда будет из тебя прекрасный художник. Кабинетные суждения тебя не разовьют.

Светлана (с упрёком): - Ну сказанул! Хоть бы выражения подбирал.

Игорь: - Мы люди свои, ни к чему нам «выражения».

Широков: - Вот что, съездим-ка мы сейчас с тобой в Союз художников за красками, их я по льготной цене получу, и на тебя возьму.

Здание Союза художников, Вадим Широков и Игорь Рагутов покупают краски в магазинчике. Этажом выше – группа художников. Уходя, они здороваются с ними. Слышат бас бородача, известного портретиста Орлякова, похожего на добродушного русского медведя:

Орляков: - Так это кто там с тобой, Вадька, Игорь Рагутов? Слыхали, слыхали. Дай-ка я тебя разгляжу. Сколько тебе лет?

Игорь: - Двадцать четыре года.

Орляков: - И такие работы!.. Широков приходит в фонд, а я ему доверяю больше, чем себе - и говорит, сам дух еле переводит: «Художник появился молодой, порой блистательнейшие находки у него встречаются». Ну, - Орляков по-медвежьки обнял его. – А, черт! Ты только смотри мне, не зазнайся! Пошли с нами! – он неуклюже схватил его за руку и потащил за собой вниз, на улицу. Подъехало такси, водитель открыл дверцу.

Орляков (командует): - Полезайте вот сюда, на задние!

Игорь: - А зачем... куда мы поедем?..

Орляков: - Не спрашивай! Там узнаешь!

Орляков (в едущем автомобиле): - Счастлив я, счастлив... Э, черт! - он снова обнял Игоря.

Широков (по-детски рассмеявшись, показывая из окна на бегущего по улице щенка): - А вон тот еще счастливее!

Орляков: -Ну, этот человек, этот Вадька, он такой, все перевернет... Черт возьми, двадцать с небольшим лет и такие работы, а!

Автомобиль остановился на улице, знаменитой своими ресторанами и гастрономами, Орляков шепнул что-то шоферу, сунул ему деньги, покровительственно хлопнул по плечу, ступай, мол.

Орляков (продолжает, шумно): - Да я в двадцать лет дрался да голубей воровал, а тут человек серьезно работает! А! Ну, береги себя теперь. Запомни, художник сам себя беречь должен, за него это никто не сделает. А вот в могилу сойти помогут. Так что - держись! Когда слышал о тебе похвалы, я все же и представить себе не мог, что это так. Конечно, когда показывают отдельные рисунки, да еще неизвестного автора, всегда смотрят на него предубежденно, и все у него, хочется, чтоб смешным казалось. Но когда просмотришь целый цикл - тогда да...

Появился шофер, который мелко семенит, потому что ему трудно было нести две просторные полиэтиленовые сумки, битком забитые яствами и вином. Все это было выгружено на заднее сиденье. Машина вновь полетела по улицам и завернула во двор одного двухэтажного дома. Вот они и в большой комнате, стол накрывают какие-то молодые женщины.

Женский радостный голос из коридора: - Орляков приехал!

Орляков (обнимая Игоря): -Ну, дорогой, теперь ты от нас никуда не уйдешь. Главное для тебя сейчас две вещи: себя не растрать попусту и не женись. Жену, которая бы верила тебе и полностью поддерживала твой труд, найти сложно, не спорю. Не спеши. До двадцати восьми - гусарский возраст. Им раньше жениться запрещалось.

Откуда-то набилась полная комната народу, среди пришедших журналистка.

Журналистка (суя микрофон): -Как вы себя чувствуете, став лауреатом Государственной премии?

Орляков: -Чувствую, что моя жена, не дай бог, сюда нагрянет и устроит очередную сцену ревности. Тем более к таким красавицам. Это не для эфира вообще-то...Выключите, не люблю.

Журналистка (указывая на Рагутова): - А что это за мальчик?

Орляков (закивая): - Чтоб впредь я такого тона больше не слышал! Какой это тебе мальчик, это надежда наша! К мальчику вы скоро придете интервью брать! - *Обращаясь к Игорю:* -Вот что, Игорь, тебе учиться надо, сынок, развивать себя, все пройти. Ребятам поддерживать надо в этом возрасте. Мы, старшее поколение, не поддержим, кто наше дело продолжит! У тебя реалистичность, и обобщение есть, в твои годы!

Игорь: -А я делаю много эскизов. Потом приходит в голову дельная мысль, сюжет – и тут эскизы просто находка!

Орляков: - Правильно, молодец. А я иначе работаю. Ничего, у каждого свои секреты. Вот

еще тебе небольшой совет. На выставках, особенно мелких, часто работы пропадают в неизвестном направлении. Кончилась выставка – сразу их забирай!

Тут все снова загалдели, заговорили о своем, насущном, послушались тосты, смех. Игоря поразила удивительная духовная спаянность этих людей разного возраста, их простота - все это было так непривычно! Молодые женщины наперебой угощали Игоря закуской и напитками.

Орляков (разойдясь, положив руку на плечо Игорю): -Ну вот, теперь я чувствую, этому человеку ничто не страшно, дойдет он до цели! Критики не бойся. Знаю, тяжело, особенно в начале пути - преодолей, зубы сожми! Несправедливая критика - всегда завуалированная форма похвалы. Надышаться тебе надо нашей атмосферой, надышаться и - к себе, в келью... А ведь лучше нас не найдешь, не найдешь-шь! - *с ребяческой искрой заметил он.* – Вот Вадька у нас рисовальщик изумительный, живописец прекрасный. Реалист, талантище! Наш человек, хотя и не без модернистских заносов. Только вот всю жизнь проскромничал – это плохо. Кричать надо о себе!

Потом принесли пару крупных, запеченных в духовке куриц на большущей сковородке. Все примерялись к ним, с чего бы начать.

Орляков: -Птицу же едят руками, чего думаем!

И все, дружно засучив рукава и уже никого не стесняясь, принялись за угощение.

Орляков (кричит): - Лучше жуйте и берите еще!

Сквозь гам слышится голос журналистки: -И все-таки в «Черном квадрате» есть какая-то загадка.

Орляков (поморщившись): -Как вы думаете, что правит миром?

Журналистка: -Доброта и любовь.

Орляков: -Юные и наивные... Впрочем, в мое время так оно и было, наверное. Но я вас разочарую немного, пожалуй. Сейчас, с августа девяносто первого, миром всецело правит капитал. Отнюдь не доброта. Отнюдь не любовь. Не сострадание. И не справедливость. Капитал ведет войну, чтоб оседлать наш голубой шарик. И в войне той все средства хороши, в том числе искусство. Задача наших ненавистников искусство разрушить, вкус уничтожить. Тогда и страну добывать легче будет. Картинам гениальных пейзажистов – Левитана, Саврасова – на аукционе определяют цену в сто пятьдесят тысяч долларов. А потом выставляют черный квадрат с ценой в миллион. Расчет на несведующую массу: «Ага, раз такая цена, значит, там что-то есть». И вы в своих газетах туда же: «Загадка». Да нет здесь ничего, кроме злого умысла и подлой коммерции!.. Вас дурачат, приучают к уродству, безмыслию, пошлости. И деньги здесь – техническая вещь, с помощью которой взламывают школы, извращают истину, поганят умы. Вы их интересуете отнюдь не как объект любви. Но как предмет, из которого можно или нельзя извлечь прибыль. Вот и все.

Широков (в поддержку): -Вспомните древние наскальные рисунки. Собственно, и рисунков-то там нет, больше символа. С него начиналось искусство, а пришло сквозь многовековой опыт к образу. А разный сброд его разрушает. И кстати, они добились своего, раз мы об этом говорим. Но образ вечен, искусства без него нет.

Игорь и Вадим Широков выходят во двор, садятся на скамеечку. Нежная листва мая, солнце.

Широков: - Ах, кустики, кустики! Им бы в лес, душно им на газоне... Все пиши, Игорь, потом найдешь себя. Констебл писал только небо. Представляешь, ложился на траву и подолгу смотрел в него.

Игорь: - Я тоже люблю небо.

Широков: -И еще, Игорь. Работай сейчас, не теряй времени, никого не слушай! Помни: линия – музыка. Пробуй все жанры. Не забывай, что настоящая графика должна быть живописна, да, да! Работай!.. И хорошо, что ты приглянулся Орлякову. Величина, известность. И при том честный русский мужик.

Прощаются, Игорь уезжает.

Реставрационная мастерская, где работает Лариса. Заходит Игорь, обнимаются, целуются. Игорь рассматривает обстановку. На стеллажах, словно книги в библиотеке, стояло множество икон. На краю широкого стола – странный, почти хирургический инструмент, порой явно самодельный (а где его купишь!)

Лариса: -Это тебе не лубок!.. Мастер предполагает, что сама икона излучает свет, а не свет падает на нее. Знаешь, я горжусь, что работаю здесь. Русская икона явление совершенно уникальное. Потому весь Запад так гоняется сейчас за ней: у него нет и не могло быть ничего подобного! В иконе – тысячелетняя вера русского человека, который создавал империю добра. А Запад такой империи не создал.

Игорь: -Никто тебе не говорит, что икона лубок. Просто я сейчас подумал, что, наверное, смог бы быть иконописцем. Но не реставратором икон. Я не выношу чужих канонов, предписаний. А искусство реставратора – совсем иной вид творчества. Скорее, это ремесло...

Лариса (весело): -Оскорбляешь, коллега!..

Игорь: -Я сейчас был у Орлякова. Хвалил.

Лариса: Я так рада за тебя! А ты расстраивался, что кой-кто относится к тебе со скепсисом, считает выскочкой. Это неизбежно, всем не угодишь. И не сокрушайся перед тем, что ты считаешь откровенностью по отношению к себе. Откровенность – еще не правда. Если я скажу мужчине, что он некрасив, мое утверждение коснется лишь внешнего, а значит, здесь будет лишь полправды, а может быть, одна десятая правды. Орляков – это серьезно, у него такое влияние! Вот видишь, фортуна улыбается тебе!..

5

Дом Ларисы. Она стоит рядом с каким-то мужчиной, обсуждая что-то. Затем приходит одна домой. Ее встречает Игорь.

Игорь: -С кем ты говорила у подъезда?

Лариса: -Все-то ты заметишь... Так, со знакомым.

Игорь: -И какого черта именно с этим знакомым ты все время обсуждаешь?!.

Лариса: -Я что, крепостная, и не могу ни с кем общаться?

Игорь: -Это не похоже на простое общение.

Лариса: -Знаешь, я не хочу с тобой поднимать этот вопрос.

Игорь: -Но тебе придется. Так о чем же вы говорите столь по долгу?

Лариса молчит некоторое время.

Лариса: -Я бы могла сказать, что обсуждала проблемы пробного раскрытия поступившей на реставрацию иконы. Или соврать, что у нее спилен номер, и я решаю, заявлять ли об этом в соответствующие органы. Но я не буду тебе врать. Этот человек давно за мной ухаживал. Он просто друг. Да, он равнодушен ко мне, очень равнодушен. Сейчас у него тяжелая полоса в жизни. У него не остается никаких надежд. Пойми, если я его оттолкну вдруг, вот так, сразу, если он меня, как друга, потеряет – ему будет очень плохо. Нет, не могу причинить ему боль. Чуткий, добрый человек. Не люблю его, но мне его жаль...

Игорь, все равно ты у меня перед глазами стоишь повсюду. Счищаю в мастерской с «доски»⁴ старую краску, а вижу - тебя... И совесть меня мучает, что его обманываю, давая надежду, но просто так зачеркнуть его... не могу. Не знаю, что и делать. Пусть время само все исправит...

Игорь: -Значит, он друг. Так кто же тогда я?!.

Лариса попробовала его поцеловать, но Игорь отстранился.

Лариса: -Ну зачем ты мне понравился так!.. А сейчас мне страшно даже, что ведь мы могли бы и не встретиться в тот день у монастыря, и наша встреча произошла бы еще лет через семь или через десять. Пусть я что-то не то делала в жизни, пусть вся жизнь ошибка,

---

4 На профессиональном сленге - икона

одно то хорошо, что тебя узнала. Ну что ты молчишь, что ты скажешь после всего этого!

Игорь: -Откровенность твоя, конечно, трогательна... Я вот сейчас все брошу, расплачусь, и вместе с тобой пойду жалеть этого твоего режиссера или каскадера, а ты будешь копать в своих чувствах и метаться между двумя мужиками.

Лариса (раздраженно): -Трепло ты! Ты весь такой ехидный и злой, или притворяешься?.. Вот Саша...

Игорь: -Не смей произносить мне это имя!.. Что же касается меня, то вы меня слишком плохо знаете, мадемуазель.

Лариса: -Пожалуй, ты прав. Мы так же далеки друг от друга, как поэзия от прозы, Игорек.

Игорь: -У вас дилетантские представления, наивная женщина. Настоящая проза - это поэзия. Сложная поэзия...

Лариса: -Боже мой, насмешил меня своей колоссальной пронизательностью. Да может, я актриска. Может, все, что я тебе говорю – ложь; может, я выудить из тебя хочу и выжать, что мне надо, а ты всерьез воспринимаешь. И идешь у меня на поводу. А это мне и надо как раз. Что же касается моей наивности - в ней моя сила. Наивность выше разума. Для тебя весь мир в тебе, через тебя. А я другая. Хоть и эгоистка. Вот Саша, он, как и я, копается в себе, чтобы понять людей, а ты копаешься в людях, чтобы понять себя.

Игорь: -Это твое словоблудие, а истины тут нет. Но в одном ты права, разные мы с тобой, абсолютно. И сегодня я понял: нам не по пути. Просто я еще надеялся разбить стеклянную штору между нами. Но теперь в том нет необходимости. Так что «выжать» меня тебе не удастся. Сестру вашу я перевидал, - все это он говорил очень несерьезным тоном, подчеркнуто небрежно крутя ее длинные ухоженные локоны черных волос, а на душе у него заскребло.

Лариса: - Не ври! Нет! Очень мы с тобой похожие, в этом-то все и дело.

Игорь (категорично): - Нет. Я совсем другой человек. Я привык вглядываться, а ты только видишь. Мы чужие! Мне окончательно стало ясно: нельзя совместить любовь и взаимопонимание, красоту и чистоту!

Лариса: -Чистоту, хм... Хорошая женщина, как и хорошая книга, всегда немного потрепана.

Игорь: -Потрепаны только детективы и разные дешевые истории. Взгляни на полки с классикой. Это великие вещи. Их не каждый сможет взять в руки.

Лариса (робко): - Знаешь, что мне сейчас хочется?

Игорь: -Что? Чтоб я ушел?..

Лариса: -И это отчасти, потому что ты накаляешь обстановку.

Игорь (резко): -Да ради Бога!

Лариса: -Ой, ты, наверное, меня не так понял. Я имела в виду уйти в другую комнату. А хотела я, чтоб ты меня обнял.

Он усмехнулся, и не приблизился к ней ни на шаг.

Лариса: -Ангел! Я тоже могла бы закатить тебе сцену ревности. Я нашла тебе работу. Сколько раз говорила тебе об этом, а ты даже не изволил появиться у меня в реставрации! Пропадаешь у Широкова. Ни трудовой, ничего.

Игорь: -Вадим учитель с большой буквы...

Лариса: -К нему полгорода ходит, девки молодые табунами, откуда я знаю, что вы там делаете!..

Игорь (Усмехается. Затем серьезно): - Ну хочешь, я брошу его мастерскую... ради тебя. Скажи одно слово...

Лариса (с победной досадой): - Я замечала так часто, что даже самые сильные люди со мной всегда в тряпок превращались, безвольных тряпок. Готовы были пойти на любое унижение. Сделать самый идиотский поступок. Или вообще на себя переставали быть похожими. И самые умные теряли свой ум. Мне это нравилось. Иногда скучно становилось. Но забавляло. И так всегда было - без исключений.

Пауза.

Лариса (продолжает): -В школе училась, дружбу всегда с парнями водила. А вообще люблю друзей старше себя.

Игорь (с иронией): -Я успел заметить.

Лариса (лукаво): -А вот это мне нравится!.. – *С горечью:* - Где ты был раньше! Я слишком много вывернула в своей душе для других людей. Моя жизнь была не такой простой, как может показаться. Теперь нужно время, чтоб все устоялось. Ты не можешь меня судить.

В дверь позвонили. На пороге стоял Вадим Широков, опираясь на клюшку. В левой руке он держал букет цветов и сетку с бутылкой коньяка. Цветы он протянул Ларисе.

Лариса: -Вот видишь, какие у тебя друзья – с цветами приходят. А ты подарил мне цветы хоть раз?..

Широков: -Пришел посмотреть, как вы живете. Не дурно, скажу, живете – я такого не ожидал.

Игорь (воодушевленно): -Ну и молодец, что пришел. Разрядишь хоть атмосферу. А то наша лодка стала наткаться на подводные рифы.

Широков: -Не знаю, разряжу ли. Неприятности у меня. Кто-то пытался поджечь мой дом.

Игорь: -Как это случилось?

Широков: -С задворков, когда никого не было, кто-то, видимо, облил бензином часть стены и поджег. Но три дня шли дожди, доски не просохли как следует, и обгорели лишь снаружи.

Лариса: -Кто же это мог быть?

Широков: -Сам ломаю голову. У меня нет явных врагов или недоброжелателей, сам знаешь. По крайней мере, таких, кто решился бы на такой шаг. Да и ради чего! Но человек знал, что нас нет дома, он перебрался через забор с приличной пластмассовой канистрой горючего – мы нашли ее несгоревшие остатки. Это не простое хулиганство. Вот в чем фокус.

Игорь: -Тебе давно нужно было завести собаку!

Лариса: -Да, Вадим, моя подруга кинолог, она поможет.

Широков: -Наверное, придется. Никогда не думал, что доживу до такого времени, когда придется ставить решетки, заводить собак, вешать колючую проволоку на забор. А посмотри на Город! Эти решетки теперь кругом, даже на полупустынных детских садах... Кавказцы тут предлагали недавно халтуру. Баксов, мол, будет полный дом. А мы, - *обращается к Игорю,* - закончим с тобой стелу, будут у нас деньги и на краски, и на кисточки. Займемся творческой работой. Денег всех не заработаешь, а душу свою и время на этих халтурах губишь. Раньше приходилось к тому же выполнять одному всю строительную часть. Кран, грузовик заказывать, цемент подвозить. Хорошо вот ты теперь у меня появился. Месяцы в такой толчее пропадают, а в творческом отношении стоишь на месте, если не ступаешь назад. Да еще напарник мой номер выкинул: взял аванс в две тысячи зеленых, и исчез в неизвестном направлении. Приходится расхлебываться за свою доверчивость.

А вообще, трудные времена будут у вас, ребята. Ты, Игорь, конечно, радуешься, есть удачи, и я рад за тебя искренне. Наверное, и в Союз художников примут тебя. Но Союз этот нынче мало что значит, и почти ничего не дает. Ваше поколение искало себя и нашло. Да вот беда – страна исчезла, и время ее исчезло. Вы шли, а дорога под ногами оборвалась. Несчастное поколение! Я, по крайней мере, бесплатно получил мастерскую и жилье – пусть и такое, но свое! Всегда были стабильные заказы, поездки по стране, выставки – на их организацию никто не требовал денег... Я еще держусь за счет старых наработанных связей. А смотрю на своих братьев-художников – таксуют на разбитых тачках или метут дворы. Востребованными оказались единицы. Вы простите меня, ребята, что-то мне сегодня не по себе. Не буду удручать вас дурацкими разговорами. Вы молоды – и это главное. У вас есть дистанция для разгона...

Игорь: -Все равно, Вадик, без любимого дела жизнь не в радость будет.

Широков: -Ты прав... Ну, мне собираться пора.

Лариса: -Подкину тебя, Вадим, на машине – она под окнами стоит. Куда ты – с

клюшкой и в метро! Так в другое «метро» загрести могут. Видишь, как хорошо иногда не пить коньяки!

Садятся в машину, подъезжают к дому Широкова. На тыльной стороне и впрямь почти до самых окон второго этажа или следы неудавшегося пожара. Заодно Рагутов осмотрел сарай Вадима, стоявший на участке поодаль и служивший гаражом для мотоцикла Игоря. Там все было в порядке.

Широков: -Нам с тобой, Игорь, скоро в поселок ехать - барельеф устанавливать на стелле, а жена одна оставаться боится...

Лариса: -Я побуду с ней, не переживай, Вадим. Подруг притащу, песни будем под гитару орать – никто не сунется!

Широков: -Компанейская ты, Лариса. Спасибо тебе!..

6

Игорь Рагутов и Вадим Широков идут по городу. Встречают Глотова. На Глотова лает дворняжка.

Широков: -Познакомьтесь. Игорь, подающий большие надежды. А это Петр Пантелеевич Глов, профессиональный художник и коллекционер.

Глов: -Все хочу узнать, Вадик, откуда ты берешь такую публику? Вы не торопитесь? Тогда приглашаю вас ко мне домой.

Квартира Глотова, громадная, полная музейных экспонатов и картин.

Игорь (остановившись перед одной из икон): - Редкость! Явное влияние Дионисия. Вот только жест у Марии изменен на более привычное для типа Одигитрии положение правой руки. Письмо тонкое, но заметно любованье художественным приемом.

Глов: - Я гляжу, вы неплохо разбираетесь в иконописи. Откуда?

Игорь: - Много читал, наблюдал, да и по роду работы общаюсь с реставраторами.

Широков: -Он икону напишет под любую эпоху, не отличишь.

Глов: -А отреставрировать можете?

Игорь: -Я не специалист. А когда это делает не специалист, особенно с ценными экземплярами, это преступление.

Глов: -Я не предложу вам раритеты и известных мастеров. Так, ширпотреб прошлого.

Игорь: -Наверное бы мог. Но у моей подруги – а она профи – это получилось бы лучше. Вы прекрасно должны понимать, что художник и реставратор – совершенно разные, и порой несовместимые творческие натуры...

Глов (кивая): -А теперь пройдемте ко мне в мастерскую, посмотрите мои картины.

Глов: - Теперь, надеюсь, вы оценили мой уровень. Как вы заметили, я работаю на контрасте. Жестокость, унижение... Наша публика не привыкла к таким вольностям. Но без унижения не было бы и жестокости. Нет, мне не нужна слава. Что такое слава, особенно сейчас, во времена телерекламы, всяких там дилеров, продюсеров и маклеров? Вот так болван дает цыганке рубль, чтоб услышать от нее похвалу: «Ты мой дорогой, ты мой золотой». Чем больше дашь, тем больше похвал услышишь.

Проходят в прихожую.

Глов (Игорю, отвернувшись, вполголоса, чтоб другие не слышали): -Вот эту иконку не попробуешь подреставрировать? Не особенная ценность, девятнадцатый век. Из моей коллекции. Не за даром, конечно, я рассчитаюсь.

Игорь: -Почему нет. Можно.

Глов, прощаясь, пожимая руку: - Ну спасибо! - заворачивает икону в газету и протягивает Игорю. - Кроме квартиры у меня есть еще огромный загородный дом, целая вилла, но она сейчас достраивается. Вот там у меня основная коллекция. Рад видеть в любое время дня и ночи!

Снова квартира Глотова. На пороге Игорь и Лариса. Игорь протягивает Глотову отреставрированную икону.

Готов: -Отлично! С меня причитается.

Игорь: -Не стоит, пустяки. Это наш подарок. Ларисе спасибо, помогла.

Готов расшаркивается и целует Ларисе руку. Следуют за Гловым в его мастерскую, останавливаются перед незаконченной картиной, довольно вызывающей, почти порнографической. Пол мастерской сплошь был заложен страницами из иллюстрированных журналов с изображениями человеческих ладоней.

Готов: -Никак не могу найти то, что мне надо. Вот эту руку нашел, а ту никак не могу.

Игорь: - Мне кажется, творчество заключается в том, чтобы из жизни черпать лично пережитый материал, а...

Готов (нервно): - Подумаешь, я кое-что взял из этих картинок. Зачем мне изобретать каждый раз велосипед! Основная-то идея моя!

Игорь берет лист бумаги, карандаш, начинает быстро набрасывать: - Я бы эту руку так подал.

Готов: -А что, мысль! Вот что, хочу показать вам свою виллу. Вы ведь на машине?

Сельский загородный район на живописном берегу реки, огромный недостроенный дом. Гостей встречает Леша Заболотов.

Готов: -Леша, быстренько, столик, коньячок, курочку в духовку, салатик – действуй. И сухонького из погреба.

Столик на берегу реки. Обедают.

Игорь: -А вы женаты, Петр Пантелеевич?

Готов: -Да, но мы живем раздельно. Жена моя не переносит запаха красок.

Заболотов прислушивается.

Лариса (скидывая верхнюю одежду): -Вы как хотите, а я - купаться!

Готов (Заболотову): -Поручение вчерашнее выполнил? Ну, ступай пока... -
Обращаясь к Игорю. - Предан мне, как раб... Что у вас с Ларисой, серьезно?

Игорь: -Серьезно. Нравится мне ужасно, готов в омут с ней броситься. Но иногда она кажется мне ветреной и неосновательной, и это мне претит в ней. Еще она чересчур... общительна...

Готов: -Ревнуешь?..

Игорь: -Наверное.

Готов: -Ничего, многие мои друзья тоже часто выражали недовольство своими подругами, даже пренебрежение, снисходительным тоном выдавали самые интимные подробности, словно те шлюхи какие, а потом бац - и женились... Работа твоя с иконой мне понравилась. Жест с подарком красивый, но я его не принимаю – *Готов протягивает несколько крупных купюр.* – Никаких «нет», отдашь Ларисе, все равно вместе живете. Так вот, согласен сделать мне еще пару таких же работ на тех же условиях? – *не желая слушать.* - Деньги тебе не мешают. Все, решено!

Подбегает Заболотов: -Петр Пантелеевич, кран пришел.

Готов: - Ну так, занимайся.

Наблюдают, как кран кладет бетонные плиты на часть первого этажа здания.

Готов: -Мои познания в домостроении находятся на стадии каменного века, но ничего, я постепенно приобретаю опыт.

Лариса (выходя из воды): -Вода – молоко!

Готов: -Рад, что тебе нравится, Лорочка. Пошли в дом, согреемся.

Включает по видео фильм фривольного содержания, садятся на диван. Заболотов подает горячий чай и пироги. Игорь обнял Ларису, она положила голову ему на грудь.

Игорь (шепчет): -Я слишком привязался к тебе...

Лариса: -Повтори.

Игорь: -Я слишком привязался к тебе.

Лариса: - Это все кажется.

Игорь: -Тогда вся жизнь кажется!

Готов: -О чем вы?

Игорь: - Да так, у нас тут свои разговоры.

Готов (деликатно): -Простите тогда.

Игорь (не выдержав): - Вот Лора говорит, что чувства кажутся.

Готов: -Нет. Чувства реальны, они всегда реальны. А вообще из вас, Лор, получилась бы, наверное, замечательная актриса. У вас такая экспрессивная, явно артистическая натура и умудренный взгляд, между прочим, мудрее, чем у Игоря.

Лариса (оживившись): -Правда? Вы и не представляете, как мне нужны такие слова... Спасибо.

Пауза. Лариса приподняла голову, озорно огляделась - не смотрит ли на них отвлекшийся Готов, крепко-крепко обняла Игоря за шею, поцеловала в ухо и прошептала:

-Я же люблю тебя, дурачок, а ты ничего не понимаешь...

7

Орляков (встречая Игоря, взволнованно): -Слыхал, у Вадима дом сгорел.

Игорь: -Не может быть. Да, был поджог, но неудачный, а сейчас Вадим завел собаку, так что охрана обеспечена.

Орляков: -Устаревшая информация у тебя. На этот раз кто-то сработал основательно.

Игорь тотчас заскакивает в автобус, направляясь к Широкову. На месте двухэтажки громоздилась куча черных, кое-где еще дымищихся бревен. Стоявший поодаль сарай, в котором хранился мотоцикл Игоря, оказался цел, хотя та сторона, что находилась ближе к дому, обгорела от высокой температуры. На задворках пепелища кто-то копошился. Лицо Широкова, все в саже, было раздавленным.

Игорь: -Когда это случилось?

Широков (с трудом скрывая отчаяние): -Вчера. Меня и жены не было дома. Кто-то все точно предусмотрел.

Игорь: -А собака?

Широков (бессильно кивая в сторону, где лежит обгоревший труп собаки): -То ли отравили предварительно, то ли убили – сейчас не разберешь... А картины – все сгорели, - пытается извлечь из-под обломков уцелевшие формы барельефов. -Мотоцикл срочно забирай, теперь его утащат мародеры.

Игорь: -Да бог, с ним, мотоциклом, перегоню на автостоянку.

Широков: -Спасибо Орлякову, похлопотал, в Союзе художников, мне комнатенку выделили. Временно, конечно. С условием работать плотником – за смешную зарплату. Ну а куда деваться? Так бы совсем некуда идти, - укладывает уцелевшие вещи в сумки. – Ты вот что, помоги барахло отвезти, заодно мое новое жилье посмотришь.

Комнатушка Вадима Широкова в Союзе художников. Вадим разливает в стаканы дешевое вино из початой бутылки. Игорь отрицательно мотает головой.

Широков: -А я выпью!

Игорь: -Может, тебе помочь чем-нибудь, Вадим?

Широков: -Бог мне поможет. Не жалею меня, Игорь, не люблю. Голова, руки есть, авось, выберусь как-нибудь отсюда сам. Ты думаешь, в жизни есть какая-то ценность?.. И держусь я за нее?.. Сколько я потерял прекрасных людей, вереницы, вереницы их!.. Их нет, а я живу.

Игорь: -Как дела со страховкой?

Широков: -Никак. Факт, мол, поджога преступником в судебном порядке не установлен, а вот факт умышленного поджога страхователем, то есть мной самим с целью получения страховки, не исключается.

Игорь: -Они что, рехнулись?! Художнику уничтожить все свои картины, имущество, дом, убить собаку, чтобы надеяться на призрачную страховку!

Широков: -Понимаешь, им главное – не платить, а предлог всегда найдется... Зато я кое-что другое выяснил. Дом подожгли из-за земли, на которой он стоял. Я, дурак, землю не приватизировал, и об этом кто-то хорошо знал. После пожара я в муниципалитет ринулся, заявил свои права на выкуп земли, а мне объяснили, что прав теперь у меня никаких нет, так как нет дома, и с чего я взял, что земля будет приватизироваться! А потом вдруг выясняю случайно, что землю все-таки кто-то хапнул, и она успела пройти через несколько рук. Тут явно продажные чиновники замешаны, да концов теперь не найдешь...

Игорь: -А никто у тебя раньше ничего не разнюхивал насчет дома?

Широков: -Такого не припомню... Месяца за два до пожара, правда, Лешка Заболотов спрашивал только, не собираюсь ли я дом продать, а то он, дескать, мог бы его купить.

Игорь: -А ты знаешь, что у Лешки, как у латыша... ничего нет. Сам он живет на даче у Глотова.

Широков: -И впрямь, довольно странно... - *опрокидывает еще один стакан вина.* -Слушал я как-то одного чиновника. Он демонстрировал себя умным и, как теперь они сами себя называют, по своей дикости, «продвинутым». Так вот, говорил он, что в провинциальных городах вокруг Москвы безработица, люди влачат полунищенское существование, и потому туда нужно переводить производство, ведь провинциалы согласятся работать на метрополию за миску супа. Вот, мол, вам и удешевление продукции для нас, москвичей. Если б это барыга какой сказал, или импортный шакал, вроде Сороса, так Бог с ними. Но сказал это крупный чиновник из правительства... Понимаешь, их страна - не моя. Моя страна Советский Союз, а не эта обрубленная Сэмом клоака... Стоял я вчера у фитнес-центра, человечка одного ждал. Подъезжают на роскошных иномарках две девицы, видно, содержанки новых русских, все в золоте, и давай хвастаться друг перед другом - одна кожей в салоне машины, другая кондиционером, потом на шмотье, жратву перешли – и так полчаса. Тошно мне стало... Нам рассказывают, меценаты, мол, поддерживать искусство будут, издавать книги, продвигать науку. Они, что ли?.. Сказки все это для блаженных и не пуганных идиотов. Они книг не читают, картины не смотрят, им даже для себя детей рожать лень. Приоритет у них – собственное пищеварение. Вот я прожил в Городе почти всю жизнь, и всегда считал его своим. А сейчас скажу тебе: чужой мне этот город! Я не знаю, чей он теперь. Мой мир – не здесь!.. Сейчас первым делом попытаюсь сделать эскизы лучших работ, которые сгорели. Может статься, восстановлю их когда-нибудь...

8

Огромный и шумный вестибюль дворца. Открыт фестиваль бардов.

Лариса (Игорю, на ходу): -Пойми, я неделями и месяцами сижу в мастерской, один на один с «досками», как монахиня в келье, я скоро с ума сойду от одиночества. Пойми, я совсем другой человек, я человек полета, а не заточения!.. Ведь ты меня немножко помнишь по прошлой жизни, а?..

Игорь дожидается гардеробицы, оборачивается и видит вдалеке Ларису в обществе мужчин; она хохочет, мужчины что-то громко обсуждают и явно все в восторге от нее.

Лариса (Игорю, машет рукой): -Да где же ты! Знакомься – это музыканты из Питера, мои старые друзья...

Конферансье (Ларисе): -Ты будешь сегодня петь? Ты ведь не стоишь в программе?

Лариса: -Не стою. Но если захочу – то буду. Имей в виду.

меня и не отвлекай разговорами!

Лариса (комкает лист): -Не получается сегодня. Потом сделаю.

Игорь взял в руки гитару, перебирал ее струны.

Лариса (прижавшись к Игорю): -Ах, все спутал ты, все спокойствие жизни!

Игорь: -К черту спокойствие! Жизнь прекрасна! Избавляемся от ненужных вещей и уезжаем куда-нибудь на край света – может быть, нас ждет удивительная, неожиданная судьба!..

Лариса: -Ну да, конечно, жизнь прекрасна! Ах, какой странный, странный, интересный ты человек. Я с тобой на все готова. Но мы ж не друзья с тобой, нет. Кто мы, ах... нелепость, ветер!.. Ой, дура, не хотела я тебя обидеть, прости, миленький! Не верится, что ты ко мне привязался, и что ты во мне нашел!

Игорь: -И кто мне это говорит, вчерашняя гордячка?.. Я то же самое о тебе думал, Лариса!

Лариса (детским голосом): -Ну зачем ты такой хороший.

Игорь: -Притворяешься?..

Лариса: -Нет. Знаешь, тогда, давно, я почему-то сразу тебя не разглядела, видела, и не замечала... А вот не был бы такой симпатичный, так мне бы дела не было до того, что ты у нас талант. Хочешь, отдам тебе мою любимую фотокарточку, будешь ее всегда с собой носить?..

Игорь: -Не люблю фотографий. Память сердца дороже.

Лариса: -Не хочешь - не надо!

Целуются.

Лариса: -Не могу без тебя больше... Ты как художник силен тем, что у тебя есть всегда мощная, бурная идея, если она даже не просматривается с первого раза. И откуда ты все это берешь. Мне композиционно ни одной картины не придумать.

Игорь: - Сама жизнь диктует идеи, она сплошь из них состоит.

Лариса: -А вот скажи, Игорь: ты уверен в себе, в том, что твои труды не напрасны, что успеха добьешься?

Игорь: -Раньше был уверен наверняка... Потому что многого не знал. Я абсолютно уверен, что не потерплю поражения перед собой. Но если потерплю поражение перед обществом, в том будет не только моя вина, но и вина общества. Поверь, я только тебе это сказал и никому больше не скажу. У нас ведь есть расхожее мнение: бездари, мол, привыкли сваливать свои неудачи на кого угодно, только не на себя. Увы, здесь есть доля лжи. Ты без меня знаешь многих даровитых людей, которые обществу просто не нужны.

Лариса: -Молодец, что веришь в свои силы. А у меня всего понемногу – и стремление рисовать, и петь, и способность играть на сцене. А иногда кажется, ничего нет и ничего не надо. Ни-че-го. Завидую целеустремленным людям вроде тебя.

Игорь: -Целеустремленность хуже каторги. Порой сам не рад ей, как болезни.

Лариса: -И все равно это прекрасно. А мне дальше реставрации не шагнуть. И не знаю, почему, но когда начинаю выступать перед маститыми бородачами, они все меня внимательно так слушают, глаза закатывают, бороды чешут, головами кивают: «Да, да, как вы тонко подметили, как вы точно обобщили». А ведь чушь несуето, чушь... И что во мне такое?..

Игорь: -Обаятельная ты, Лариса, чертовски, вот и все. Колдунья!

9

Мастерская Глотова в загородном доме. На пороге делегация из разношерстной публики.

Глотов (громогласно и рисованно-радушно): -О, заходите, заходите! Знакомьтесь, художники из Сибири, а это мои друзья - Игорь, Леша. - *Увидев молоденьких девушек, в восторге.* - О! О!!- Это студентки худучилища, я их пригласил перенимать опыт, - *целует ручки.* - А это у тебя что такое, - *поднимает юбку у одной из студенток,* - колготки?

Негигиенично-с, надо в трусиках, и лучше всего, в стрингах ходить. Очень эстетично. И потом, минимальное, в чем я соглашусь, чтоб мне позировали, конечно же, стринги. Мы и их, конечно же, уберем несколько позже...

Что ж, начнем с легкого знакомства с моим творчеством. Итак, как вы заметили, я работаю на контрасте. Наша публика не привыкла к таким вольностям... А возьмем нашего многоуважаемого заслуженного Николая Константиновича. Сам по себе он ноль, но у него весьма могучая пробивная сила. Он считает так: была бы должность, а заслуги найдутся. Новая жена его - дура конченная - так наострилась работать под него, что я ему посоветовал ставить на ее картинах свою подпись, что он и делает. Кстати, он ее в сумасшедший дом собирался устроить, чтоб квартира ему досталась... Если б Николаю Константиновичу предложили на заказ сделать вот эту картину, - *Готов указывает на свою картину, на которой изображена кровавая схватка с татаро-монголами и одновременно демонстрируется сцена группового изнасилования*, - то вот сюда бы он поставил бывшего секретаря Союза художников, - *Готов указывает на одного из насильников, изображенного в неприличной позе*, - вот сюда бы свою жену, - *он указывает на насилуемую женщину*, - а если бы ему нужно было рубаху нарисовать красной, а не зеленой, то Николай Константинович побежал бы в магазин покупать красную, так как без натуры ему никак нельзя.

Публика смеется. Готов берет вместо указки линейку и продолжает:

-Васнецов тридцать лет писал своих «Богатырей». Спрашивается, что тут можно так долго делать? Работа его слабая. У него нет исторических соответствий, А вот у меня... Между прочим, мое творчество близко простому народу. Потому что я – лучший художник в городе.

Один из присутствующих (скептик): -Мне кажется, человек, который чего-то достиг, не говорит так о себе. Вот поэт какой-то, Саади, кажется, сказал, что имеющий в кармане мускус не кричит об этом на улицах. Запах мускуса говорит за него.

Готов: -А меня не интересует, что вам кажется. Нечего мне полудурков восточных цитировать, у нас своих полно.

Скептик: -Да, материально вы, разумеется, прекрасно живете...

Готов: -Я всю жизнь жил в долг, и только сейчас немного вздохнул. Просто у меня была уверенность. Есть уверенность – будет все, в том числе деньги. Впрочем, вам, пролетариям, не понять.

Скептик: -Вообще-то, Петр Пантелеевич, вы прекрасно знаете, что я не пролетарий...

Готов: -Да мне какая разница: у вас на лице написано, что пролетарий.

Скептик: -Разве это плохо?

Готов: -Для вас – нет, а для меня – да.

Часть публики начинает расходиться, в том числе и скептик.

Готов (Игорю, в сторону скептика, словно бы стараясь исправить за прежний выпад): -Запомни этого уважаемого господина! Честный, порядочный, умный человек.

Скептик уходит.

Готов (закрывая за ним дверь): -Подонок. А если честно сказать, просто мерзавец. Четыре раза женат, у жены его бешенство матки... но он мне нужен сейчас, очень даже нужен... А вообще, ребята, я человек восприимчивый, ранимый. Тяжелы мне эти художественные советы, творческие разборы, критика ничтожеств.

Готов грубо пристаёт к девчонкам.

Готов (Заболотову): -Лешенька, дорогой, бегом заставляй стол в оружейке, тащи вино.

Заболотов: -Один момент, шеф.

Готов (продолжая оцупывать девиц несмотря на протесты):

-Вот что, художников и врачей не стесняются! Какие ножки, а, я их увековечу в бессмертных произведениях!

Глотов (заставая в прихожей собирающегося уходить Игоря):

-А ты куда? Брось, сейчас самое то! Да ты что, ну, ну. Неужели ты не понимаешь направленности моего мышления? Все это для меня рабочая обстановка. Меня интересует не конечный результат, а процесс общения, психология лица, чтобы воплотить...

Игорь: - Что вы оправдываетесь – хорошие девчонки, так что... направленность вашего мышления мне ясна. А я после Ларисы к женщинам почти равнодушен. Извините, у меня сегодня много дел.

Глотов (мягко улыбаясь): -Ну вот, какой ты у нас правильный! Что ж, очень жаль, ты нам компанию разбиваешь, куда я дену третью девку, мешать всем будет! К тебе бы любая приклеилась, утащил бы ее по дружбе на улицу и бросил... Ну ладно, ладно. Заходи, всегда жду.

10

Квартира Ларисы. Заходит Игорь.

Лариса: -А ну, посмотри мне в глаза, поверни лицо к свету! От тебя чужими поцелуями пахнет! Где ты был сейчас, с кем целовался?.. Мои новые работы, - протягивает ему несколько рисунков.

Игорь: -Неплохо, но... сыровато.

Лариса (бросая рисунки в мусорное ведро): -Знаешь, у тебя самого много спорного.

Игорь: -Но я не стану бросать свои работы в корзину.

Лариса: -Значит, я не слишком дорожу своими!

Игорь: -Ну, маленькая, я так не хочу ругаться с тобой!

Лариса (смотря в окно, помолчав): -Вон видишь две звезды рядом, Игорь, одна поярче, другая побледнее?..

Игорь: -Скорее всего они обе яркие. Но очень далеки друг от друга, оттого и светятся по-разному. Для нас, землян, они попали в одну плоскость зрения, и мы обманулись, полагая, что они находятся рядом...

Лариса: -Тебе скучно со мной? Мне плохо поэтому. Ты разлюбишь меня... Почему ты сказал тогда, что мы не друзья с тобой, а любовники? Мне так хочется быть другом тебе...

Игорь: -Никогда не думал, что ты будешь придавать значение мимолетно брошенным словам... Мы просто беспробудно пьяны с тобой, Лариса, и только вдвоем способны терпеть и понять друг друга.

Лариса: -А я не хочу очнуться от тебя, Игорь! Все не могу закончить твой портрет. Я тогда была сердитая, и портрет стал получаться не таким, как надо. Будет хорошее настроение, и нарисую тебя похожим, красивым... А будь что будет у нас с тобой! Раз мы нужны друг другу! Ну расскажи, кого ты раньше любил, и не ври, - *шутливо берет его за воротник рубашки.* - Завидую ей. Все-таки балованный ты. Потому и самоуверенный с женщинами, я сразу заметила тогда – когда ты повзрослел, и мы встретились снова...

Игорь: -Разве у тебя не было увлечений, мужчин. Мужа, в конце концов. И сейчас ты любого можешь поманить пальцем, было бы желание...

Лариса: -Было, было... Но как будто бы в чужой жизни. В чужом городе. В другом времени... - Знаешь, привязываюсь к тебе все больше и больше. И почему я на тебя сразу внимание не обратила? Игорек, ты для меня магнит какой-то. Я поняла это еще очень давно, когда мы были студентами. Ты подошел ко мне в библиотеке, помнишь, тронул меня за плечо. Меня так приятно кольнуло, что-то зазвучало внутри, потянуло к тебе и так хорошо-хорошо стало... Ты сильный человек, вот что меня сразу захватило в тебе, а я слабая.

Игорь: -А ты не выдумала это все для себя, Лариса?

Лариса: -Нет! Ты сильный человек, мягкий и сильный. В тебе есть какая-то

целеустремленность, все, что ты видишь, что делаешь, концентрируется в тебе угодном направлении. Ты сам создаешь жизнь, конструируешь ее, а не растекаешься по ней, как я. Нет во мне этого. Стоит тебе в глаза посмотреть. Взгляд у тебя немного рассеянный, кажется, ты видишь сразу множество вещей. Мне у тебя глаза нравятся, люблю смотреть в них. Люблю в тебе эту волю, жесткость...

Игорь: -А я твою энергию... И еще то, что ты такая красавица. Наверное, людей и тянет друг к другу, потому что они видят в другом то, что не находят в себе.

Лариса: -Игорь, у меня характер такой стал... в нем черты людей, которые мне нравятся. Во мне множество людей, понимаешь!.. Вот и от тебя останется во мне частица - это уж навсегда. А вообще... Не хотела бы я тебя любить, если б ты меня не любил. Ох уж и помотал бы ты мне нервы!.. Скоро я уезжаю в командировку, фрески в церквушке реставрировать.

Игорь: -На долго?

Лариса: -Месяц. Может быть, полтора...

Перро железнодорожного вокзала. Игорь заносит в купе чемодан Ларисы.

Игорь: -Не хочу тебя отпускать.

Лариса: -Не говори, не говори так! - вдруг зазвенел ее голосок. Еще слово, и я не выдержу, останусь!

Вдруг она прижалась к нему в порыве и расплакалась. Игорь, выходит на перрон, смотрит в окно. Лариса чертит пальцем на не протертом стекле слово «милый».

Неуютная комнатенка Широкова. У двери пакет с пустыми бутылками.

Широков: -Это я одному человеку отдаю. Кстати, бывший преподаватель, сейчас на пенсии. А ты думаешь, в помойках одни деклассированные элементы роются, опустившиеся люди? Э, нет. Пенсии только на квартплату хватает. А кушать хочется каждый день. Такой позор еще три года назад в страшном сне бы не приснился. Не для преподавателя того позор. Знаешь, одному рад только. Что старики мои умерли в полной уверенности, что живут в великой и справедливой стране, и им не пришлось, как собакам, лазать по помойкам.

Игорь: -Есть у тебя подвижки со страховкой?

Широков: -Нет, потому что не доказан факт поджога. Понимаешь, дом сгорел, но, дескать, сам по себе. А доказывать факт поджога никто не хочет, потому что проще всего все списать на стихию. Да и сам я художник, а не любительница частного сыска. Художником родился, мыслю, как художник, им и умру.

Игорь: -Никого не вспомнил из тех, кто приходил к тебе с предложениями продать дом?

Широков: -Ну, был плотник наш Заболотов, так он тише воды ниже травы.

Игорь: -Леха, Заболотов? А ты знаешь, что он работает сейчас на Глотова, на вилле его живет? Сам Леха гол как сокол, да и бомж впридачу. Чьи же деньги он тебе тогда предлагал?

Широков: -Да, верно. У Лехи, как у латыша... это точно. Значит, он работает на Глотова, - *Широков отмеривает себе ровно полстакана «бормотушки».* - Все, больше мне сегодня нельзя.

Эпизод-воспоминание в черно-белом изображении. Хмурое утро начала октября девяносто третьего, провинциальный городок. Игорь бредет по улице, заглядывает в универмаг. Отдел бытовой техники, работает множество телеприемников. На их экранах – расстрел Верховного Совета СССР. В молчании стоят люди. И посетители, и продавцы с тревогой и сочувствием смотрят на экраны.

Широков: -Так убого я теперь живу, Игорь... Ну а ты, пишешь?.. Правильно. Художник должен писать. Вот, посмотри, - он показал на репродукцию, на которой почти схематично были изображены линии тела женщины, закрывающей лицо руками. - Здесь стыдливость ее

показана. Минимум художественных средств. А теперь глянь на фотографии девиц из журнала мод - и рисовать не надо! Творчество - отбор главного, отброс деталей. И Дионисий знал это, хоть тогда фотографии не существовало. А какие у них пустые, хищные глаза. Это не женщины, а звереныши. Пусть внешне эти манекены отличны - но от них веет таким отсутствием духа, что это зачеркивает все их достоинства.

Светлана: -Правильно, не женщины. Манекенщицы. Между прочим, очень изящные, так что ты зря...

Широков: -Да помолчи! Раз не понимаешь, о чем даже говорят. Хочешь, я тебе манекен нарисую лучше этих?.. Не хочешь? Конечно, ведь мой рисунок не отпечатают на глянцева бумаге и не поместят в модном журнале. Знаю, ты всегда хотела роскоши, хрусталя. А вот эта скромная солонка из бересты в тысячу раз лучше, потому что здесь - душа! Тебе от меня славы надо было дешевой, а я ее никогда не хотел! Значит, непутевый у тебя муж!

Светлана: -О боже мой, все это я уже слышала тысячу раз! Не можешь сказать ничего нового!

Широков: -Таинство должно быть во всем. Глотову натурщицы так ляжки раскинут, эдак... Посмотришь его картины - женщины противны становятся! Видел у него, кстати, эпидеоскоп? Зачем он ему, не задумывался? Он карандаш в руках держать не умеет. Сделает цветной снимок, пропустит через луч эпидеоскопа, проецирует на холст и сводит. Причем, если линия идет под углом в тридцать градусов, он «творчески» решает проблему - чертит под углом в тридцать пять. Наитие тут и не снилось. Беспомощность и убогий расчет.

Ну да Бог с ним, с Глотовым. О себе подумай. Вылезай из подполья. Не повторяй моих ошибок. В нашем деле нужны связи... даже не связи, нет, это звучит как-то пошло, а хорошие дружеские отношения. Один пропадешь. Мы в юности все это превратно понимаем. Я тоже таким был, никогда чужой поддержкой не пользовался из-за ложной гордыни какой-то. Разве здесь бы я теперь оказался!.. Ведь мы выбираем друзей не по расчету. А можно даже сказать, и по расчету: нам становится близок тот, кто может обогатить тебя духовно. Такая дружеская поддержка нужна художнику. И запомни, за кого ты и можешь держаться на этой земле - так за меня и за Ларису. Я за тебя, как за художника, горой встану: лучший судья - всегда художник, а не критик. А Лариса - преданный тебе человек, твой человек. Береги ее. Кстати, вы внешне очень подходите друг другу. Обязательно напишу вас вместе! Дружи с честными людьми, Игорь, и избегай нечестивцев.

Грустишь без Ларисы? Понимаю. Поверь ее сердцу, Игорь. Это светлый человек. Она любит тебя опрометчиво, она ринулась в эту жизнь без оглядки. Она тебе крепостью будет, в огонь и воду за тебя пойдет. Слишком мало в человеческой жизни отмерено счастья. Надо ценить таких людей. Береги эту любовь - вот тебе моя заповедь. Кроме любви ничего нет в этом мире, ради чего стоило бы жить!

Прощаются.

Игорю снится сон. Черно-белое изображение. Огромная река – похожая на ту, на которой были с Ларисой когда-то. На ней волны, но они почти недвижны, словно на очень замедленной съемке. Игорь и Лариса вместе плывут вперед, противоположный берег еще очень далеко. Игорь оборачивается и видит, что Ларисы нигде нет. Он зовет ее, но никто не откликается. Волны захлестывают его. Наконец, он переплывает эту огромную реку, и изможденный, вступает на землю. Далеко впереди сквозь дымку видится лес. Внезапно Игорь понимает, что это вовсе не лес, потому что деревья, из которых он состоит, как ему показалось вначале, на самом деле были не деревьями, а - людьми. Застывшими, словно на фотографии. Впереди, в верхушке клина, у самой воды, две фигуры, одна мужская, другая женская. И позади них множество людей. На всех странные длиннополые одежды. Те, двое, стоящие у самой воды, печальны, их головы склонены. Игорь приближается к скорбным фигурам. Кричит «Лариса!», пробует отогнуть капюшон с женской фигуры и заглянуть в лицо, но все пропадает.

Позднее утро. Рагутов просыпается хмурым. Сразу подходит к мольберту. Пробует писать, но бросает кисть, идет на кухню. В просторной клетке мирно дремлет попугай. Он открывает дверь клетки, попугай взбирается к нему на плечо.

Игорь: -Ну, что, выпьем, Ася, - Игорь наливает в стакан сухое вино, протягивает попугаю, тот делает глотки. -Что, Ася, скучно одной? И мне скучно. Ничего, мы тебе мужика еще купим в магазине, вот приедет Лариса... Мы, может быть, даже дальние родственники с тобой. Ведь птицы и люди произошли от динозавров... Смотри, и веса-то в тебе нет, один пух, и мозгов-то, наверное, один грамм – а ведь что-то там соображаешь... Не знаю, почему я тебя так люблю, птица. Наверное, потому, что в тебе есть мечта о свободе. И у тебя есть крылья...

Телефонный звонок.

Голос Ларисы: -Игорь... Мальчик мой. Мне так скучно здесь без тебя, ничто не радует. Еще две недели, работа немного затягивается. Одно радует: у нас будет много денег, мы решим все накопившиеся проблемы... А что ты сейчас делаешь?

Игорь: -Пью с Асей «Медвежьей кровь» и думаю о тебе...

Лариса: -С какой еще Асей?..

Игорь: -С твоим попугаем.

Лариса (смеясь): -У меня аж внутри все оборвалось. Дурачок. Я тоже думаю о тебе.

Игорь повесил трубку, подошел к мольберту. Продолжает работу над картиной «Город».

* * *

Заснеженный перрон вокзала. Из вагона выходит Лариса. Лариса и Игорь бросаются навстречу друг другу, целуются.

Квартира Ларисы. Горят рождественские свечи. За столом Лариса, Игорь и Вадим Широков.

Лариса: -Жаль, что вы развелись со Светланой, Вадим.

Широков: -И мне жаль. Ее инициатива. Но я ее не виню. Кому понравится жить с бомжом.

Молчат.

Лариса: -Знаете, я так счастлива. Наконец-то чувствую, что сделала что-то значительное в своей жизни. Такая церковь, такие фрески... И чувство неповторимое, что это восстановили мы, своими руками, душу вложили, наизнанку вывернули, и теперь сюда придут верующие, и очнется Россия из оцепенения...

Широков: -Да, сейчас назревает в народе великое, как в классической литературе девятнадцатого века. Я верю - оно вызреет и дойдет несмотря на всю грязь, пошлость и засилье временщиков. Я имею в виду не выставки - туда как раз очень часто пролезает или потребительская дешевка, или самое традиционное, почти шаблонное, во всяком случае, не вызывающее сомнений и противоречивых мнений. Я имею в виду мастерские художников. Вот там действительно попадают оригинальнейшие, тончайшие вещи. И не беда, что они пока закрыты от зрителя. Еще придет их час! Придет!..

Широков поднимается из-за стола, заходит в спальню, в дни отсутствия Ларисы служившую Игорю мастерской, останавливается у картины «Город». Крик гигантских домов и безмерная чистота неба в ребристом пухе орошенных закатом ностальгических облаков.

Широков (Игорю): -А почему молчал?.. Помню, что было в самом начале. Не хотел тебя охлаждать, не говорил всю правду: порыв художника нужно беречь. А теперь вижу - ты многое сам понял. С такой работой не стыдно выйти на широкую публику. Есть живопись, глубина, есть чувство и осмысление. Ты мой ученик, и я сейчас рад, как за себя. –Вадим

смотрит в окно, за которым падает снег, молчит некоторое время. -Какой чистый, пушистый снег, какие славные полутени... А знаете, какой самый главный цвет в этом мире?..

Лариса (подумав): -Красный.

Широков: -Белый. Цвет чистоты и начала. Он сопровождает человека всю жизнь: вот человек рождается, и его принимает белая простыня. Невеста одевается во все белое. И минуют зимы, унося за собою белый снег наших радостей и печалей. Наконец, белый саван принимает ушедшего навсегда... Чистый, белый снег...

11

Черно-белое изображение. Комнатка в низенькой избушке, в углу иконы.

Готов: -Как живете, бабушка?

Старушка: -Как живем, смерти ждем.

Готов: -Ну, это плохо, нельзя так, бабушка. Есть кто у вас, дочь, сын?

Старушка: -Никого, милой, одна я. Как перст, одна. Дети далеко, а старших братьев в войну еще похоронила.

Готов: -Смерти ждать рано, нельзя так жить, бабушка. А чтоб вам веселее было, возьмите-ка от меня осьмушечку чая. Берите, берите. Сам я перебыюсь, мужик здоровый. Топограф я, не знаете, что такое? Хожу по деревням, карты составляю. Работа у меня такая, - *Готов шарит глазами по иконстасу.* -А может вам ситчику отрез надо на платье? - *Готов полез в рюкзак.* - Жене вот вез, ну да мы люди городские, найдем еще. А вам помочь надо.

Старушка (растроганно): -Да что ты, родимый, не могу я взять это... Куда мне, старухе! Спасибо тебе, добрый человек. Благослови тебя, господь.

Готов: -Берите, берите, бабушка! Не возьмете, так я сам оставлю у вас.

Старушка: -Ох, что делается! Спасибо на добром слове. Давай хоть самовар заварю, испей чайку со мной, родимый, больше ничего у меня нет, рада бы угостить.

Готов: -А мне ничего не надо, бабушка. Только вот, хотел я вас спросить... Продайте-ка мне святую Богоматерь, я вам заплачу, хорошо заплачу!

Старушка: -Спаси господи, батюшка, что говоришь! Грех это тяжкий. Богоматерь не продается...

Готов: -Да знаете, бабушка, жена у меня в городе... хворает, вот. Давно хворает, сохнет. Врачи не помогают, калечат только. Хорошие люди сказали, одно есть спасенье, святую Богоматерь достать.

Старушка: -Вон что... Икона эта еще от бабки досталась. А теперь одна я, умру скоро, - *старушка проходит в угол, долго и бережно снимает икону, долго и бережно ее гладит.* - Пусть святая мать в руки к доброму человеку попадет, память обо мне останется. Возьми ее, добрый человек, за доброту твою. Ничего мне не надо. И ситец свой возьми.

Готов прячет икону в рюкзак, раскланивается и уходит. Идет по деревенской улочке, заходит в церковь. Снимает шапку и жадно осматривает убранство церкви. Замечает на себе любопытные взгляды, ретируется к выходу. Вечерня подходит к концу. Народ расходится. Пантелеевич сошел с паперти, закурил папироску. Завидев его, возвращающийся со службы священник вдруг остановился.

Священник: -Вы не здешний?

Готов: -Да, турист я.

Священник: -И между прочим, вы ни разу не бывали в церкви.

Готов: -С чего вы взяли?

Священник: -Вы стояли слева. Даже любой новичок знает, что мужчины в церкви становятся с правой стороны.

Готов: -Предположим, вы угадали. Так, праздный интерес привел меня сюда.

Позвольте теперь мне сделать ответное предположение. Вот вы человек молодой, вам и сорока, наверное, нет. Что же вас обратило в лоно церкви в наше-то время, когда сюда одни темные бабки ходят. Убеждение? Страдание? Я слышал, у вас всех фантастические оклады...

Священник: -Да, в советское время оклады были значительные. А сейчас в десять раз ниже, чем у самого низшего чиновника из госструктур. Вы не торопитесь? Тогда я приглашу вас к себе на чашку чая, ибо на вопрос ваш не на улице отвечать... А вот ведь вы даже не знаете, что только что побывали в десятом веке: церковный обряд с тех пор не претерпел изменений.

Глотов: -Ну, а поститесь вы как, тоже всамделишне? Вас никто не контролирует?

Священник: -Вы наверное, даже задуматься не можете, насколько абсурден ваш вопрос. Мы так привыкли, что нас кто-то должен контролировать! А совесть? Бог? Заметьте, у нас больничных нет, у нас одно лишь честное слово.

Глотов: -Так неприятны, наверное, все же эти ваши божьи голодовки?

Священник: -Почему же. Пища, как и вино: чем больше ешь, тем больше хочется. А оказывается, ничего страшного нет в том, чтоб ограничиться малым количеством.

Глотов: -Скажите, вы коренной сельский житель?

Священник: -Нет, сам я из Города. Оставил его пятнадцать лет назад.

Глотов: -Что же так? Что вас толкнуло? Добровольно лишить себя культурной жизни, ради чего!

Священник: -Культурная жизнь, хм... Да, живя в Городе, я был в центре ее, сам город я изучил вдоль и поперек. Я научился сравнивать, что есть что, научился давать адекватную оценку художественному уровню выставок, концертов, спектаклей, фильмов, умел оценивать профессиональный уровень музыкантов. Но все это было информационное знание. Годы жизни в Городе не дали мне духовного взросления, глубокого внутреннего обогащения, которое может дать эмоциональный контакт с другим человеком, общение с природой, с мудрой книгой. Видите ли, Город незаметно пожирает личность, делает ее такой, как все, и это не зависит от силы вашего собственного сопротивления. Это процесс неизбежный и непреодолимый, потому, хотели вы того или нет, вы остаетесь одной из многих миллионов его шестеренок и вынуждены жить по законам, которые он вам навязывает.

Заходят в дом к священнику. Все стены в нем от пола до потолка заставлены книгами.

Священник (продолжает): -Биологический мир человека ограничен и узок. Материальные земные блага не могут быть бесконечными и усваиваться без ограничений, бесконечен лишь дух. Этого не понимает стяжатель. Боже, сколько я их знал: это ущербные люди. Многие высокие вещи, доступные и бедному, навсегда остаются закрытыми от них. В частности, такие, как творчество. То есть то элементарное, что отличает человека от животного. Я знал многих, кичащихся своим огромным богатством – воистину нищих, ибо они давно стали его рабами. Им чужда человечность, им чужд Бог, хотя сколько их стоит во храме со свечками! Ибо смысл их жизни ничтожен. Их обременяют гордыня, зависть – кстати, они и двигают ими. Но они даже не ведают, что есть иные, неизмеримо более высокие уровни и миры. А богатство брэнно и неизбежно уйдет от них.

Глотов: -И все-таки, сколько вы получаете?

Священник: -Не много. Если бы я ничего не получал, все равно я был здесь бы. Так поступают многие творческие люди: когда новое государство выбросило их, как ненужный мусор, они вопреки всему продолжали заниматься тем же, потому что они мудрее и сильнее тех, кто возомнил себя диктатором чужих судеб. И в конечном итоге победят они, а не те, кто задачу великой страны, как американцы, низвел к своему желудку.

Жена священника, а по-церковному, иерея, стелет на стол белоснежную скатерть, приносит самоварчик.

Священник (сидя в кресле, не снимая ризы): -Э, батенька, нельзя одним разом отвергать то, что коренилось в сознании народном тысячелетиями. Паскаль сказал, тот пройдет к истине, кто лишь коснется крайностей, но не увязнет в них. Вот приобрел книгу

«Цель жизни – жизнь», из серии «Библиотека атеиста», кстати.

Глотов: -Название, соответствующее истине.

Священник: -Да, примечательное название. Идея прямо противоположная той, что Достоевский утверждал.

Глотов: -Какую же идею он утверждал, - я что-то не припомню?

Священник: -Как?! Цель жизни - вечная жизнь! А иначе - все позволено. Так?.. Живем только раз. Вот и получается: встал человек утром, выглянул из квартиры, как из дзота, и смотрит, где бы что хапнуть - денег, положение, власть над людьми, которых можно долго и безнаказанно грабить под сению государства, как бессловесный скот. Или банально красть, что плохо лежит: я один раз живу! Какой там полет духа! Большинство прозябает в конкретном мире бытового уюта, окружает себя вещами, содержит себя, кормит. Деятельность человеческая этим и ограничивается. А сейчас она вдобавок у большинства унизительно скатилась на самовыживание. По крайней мере, в этом, якобы новом обществе. Те, кто мыслит другим - редки, как маяки. Вы видели когда-нибудь фрески Дионисия? Взгляд его святых в душу обращен. Чтоб так писать, надо отвергнуть все брэнное, презреть то, что каждодневно человек желает себе. Слстолюбец никогда такой высоты не достигнет!

Вот видите, - *иерей показал в окно, в которое как раз была видна витрина магазинчика «Вино-водка», дверь которого периодически хлопала.* - Вот он, храм для поклонения. Родились мы, дети эпохи, и кажется нам, что так всегда было, что мужик только сюда и ходил. Нет! Он в церковь ходил. Для нас, конечно, церковь - мура, религиозный туман, опиум для народа и так далее. Но даже тот, кто говорит, что он ярый атеист - верующий! Задумайтесь, покопайтесь в себе без свидетелей. В каждом живет вера. Не та, наивная, в боженьку на облачке. Вы не задумывались, почему в период грандиозных бедствий - войн, голода, так обострялось религиозное сознание? Потому что взывать более не к кому. Живет человек, Бога отрицает и ругает, - *последние слова священнослужитель произнес тихо, с какой-то суеверной оглядкой,* - а случись с ним несчастье, ноги у него оторвет или парализует совсем - и он мысленно начинает обращаться к какой-то высшей силе, не осознаваемой, как божество, к какой-то высшей справедливости: за что же его так, где же выход, ведь должен же он быть! Так что и атеист порой - бессознательный верующий. Ну, не знаю, ответил ли я немного на ваш вопрос.

Глотов: -В чем-то да. А Достоевский, Достоевский... Да, был такой неврастеник. Вот Валентин Пикуль - это действительно стоящий писатель, мой любимый. Особенно мне у него нравится про то, что Иван Грозный был секс-маньяк, и когда он проезжал по улицам, то приказывал женщинам становиться в окнах, обнажая «срамные места».

Священнослужитель прозрачно посмотрел на Глотова и поспешил распрощаться.

Сумерки. Шайка из трех человек взламывает подвал церкви, где побывал Глотов, выносит иконы, которые складывают в старый «Жигули» без номеров.

Комната на «вилле» Глотова. Грабители раскладывают «товар».

Глотов: -Это реализуйте сами, а иконки возьму. Вот три штуки американских денег.

Грабитель: -Но это грабеж, Пантелеич. Спасибо за хорошую «наколку», конечно...

Глотов: -Вот именно. Пожалуйста, я не настаиваю. Но дороже вам этот товар не скинуть. А главное – в девяноста процентах случаев вы напоретесь на легавых.

Грабитель: -Ладно, твоя взяла... Мародер ты, Пантелеич.

Уходят.

Глотов прячет иконы, достает одну из них - «Искушение дьявола». Звонок в дверь. Глотов смотрит в глазок, впускает Рагутова. Потом, усевшись за стол, царапает иголкой краешек иконы.

Игорь: -Такой метод распознавания достоинств иконы не годится. Варварство!

Глотов: -Не велика ценность.

Игорь: -А где икону взяли?

Глотов (зевая): -Знакомые принесли. - *Прячет икону.* - Между прочим, в жизни своей я много добра людям делал, совершенно безвозмездно, людям средним, от которых и толку-то никакого. От тюрьмы многих спас, женил и так далее. Эх, скучно что-то. Не хотелось бы, чтоб вечер в такой скуке прошел. Что бы придумать?.. А не рвануть ли нам в ресторан?

Игорь: -Что-то никакого настроения туда идти нет. Я вообще не люблю рестораны.

Глотов: -Ты это мне брось. Я угощаю, так что потрудись уж составить мне компанию. И еще... Сейчас я Леше Заболотову позвоню, давно его не было, тоже приглашу. (*Берет трубку телефона.*)

Приходит Заболотов, разваливается в старинном ореховом кресле на кривых ножках, которое тут же затрепало.

Глотов (кричит): -Сколько раз говорить, Леша! Кресло антикварное, в нем нельзя сидеть, оно развалится! – *Смягчается.* *С хитростью:* -Как ты думаешь, Леша, Игорь способен на преступление или на какой-нибудь темный поступок?

Заболотов: -Нет, не способен.

Глотов (с таинственной улыбкой): -И я вот так думаю.

Игорь: -К чему это вы?

Глотов: -Так... До ресторана еще есть время, заглянем-ка на огонек к нашему многоуважаемому мэтру, Николаю Константиновичу, в мастерские. У него презентация выставки.

Зал галереи, в ней много народу, журналисты, оператор с телекамерой. В соседнем помещении накрыт стол.

Николай Константинович (завидев Глотова): -Прошу к столу.

Глотов, Рагутов, Заболотов присаживаются. Заболотов шепечет что-то на ухо Глову.

Глотов (Заболотову громко, так что все обращают на него внимание): -Леша, ты повернись к обществу! Вот тут Алексей предлагает коллективный секс организовать, зачем это скрывать? Может, желающие найдутся?

Заболотов (краснея): -Иди ты к черту, брехло! Я ничего подобного не говорил!

Глотов (благодарушно): -Ну вот, краснеет, как девушка.

Едят, пьют.

Глотов (громко, агрессивно): -Уровень интеллекта наших литераторов не позволяет ничего иного, как говорить о том, кто где напечатался, на каком заборе его имя написали.

Журналист (деликатно): -У нас своя область, у вас - своя. Как вы можете судить...

Глотов: -А вот как...- *Глотов решительно берет из вазы яблоко.* - Американцы говорят: «Если у нас есть по яблоку, и мы обменяемся ими, то у нас останется по яблоку. Если у нас с вами есть по идее, и мы с вами ими обменяемся, то у нас будет уже по две идеи». А чем мы будем с вами обмениваться?

Журналист: -Ну, вы предъявляете слишком высокие требования к общению...

Глотов (Рагутову и Заболотову, громко): -Я ему вызов делаю, а он мне даже ничего вразумительного ответить не может.

Журналист: -Может быть, вы покажете мне свои картины, тогда и поговорим...

Глотов: -Ваш менталитет вне моих интересов. Экскурсии не будет. - *Николаю Константиновичу.* - Николай Константинович, мы явно не вписываемся в эту компанию, у нас свои планы. Так что мы сейчас уйдем. Я предупредил вас, чтоб вы отрицательно не восприняли наш уход. Мы позже зайдем, когда никого не будет.

Игорь (Глову, по дороге): -Какая муха вас укусила?

Глотов: -А я так очень доволен. Пойми, я потому так себя с ними веду, потому что они для меня ноли. Их общество для меня не интересно, зависеть от них я не могу. Я стратег, а они тактики районного масштаба. И еще: я говорю рискованные вещи, вызывая иногда себя веду и тем самым провоцирую людей на откровенность. Это мой способ получить нужную мне информацию. А твоя деликатность - твой огромный минус. Нечего

церемониться! Мир нужен только зайцу. Медведю или волку мир не нужен. Потому что у них сила. А сила – уже талант, если даже ничего другого нет. Вот я добрый человек, но доброта обязана быть суровой. Если по доброте своей, как врач, я буду смотреть, как гангрена на ноге распространяется все дальше, и, жалеючи пациента, не стану принимать никаких мер, то я жестокий врач. Ногу надо ампутировать! Теперь ты меня немного понимаешь? И еще. Моя задача - отобрать своих, верных мне людей. Птицы одного оперения собираются вместе. Утки не соберутся с орлами в одну стаю и не полетят с ними на охоту. Вот поэтому мы сейчас вместе. А на шушере мне нечего время тратить, чтоб они хихикали за углом. Этот газетчик Митя, взятый сам по себе, может быть, и не плохой парень. Но он для меня все равно, что бессмысленно тарахтящий трактор. Хорошо, если один такой, он, быть может, и не испортит нашу компанию. Но если кругом одни такие трактора?.. А если мне потребуется заказная статья – дам денег, и Митя под диктовку напишет все, что мне надо – можешь не сомневаться. И забудет любые обиды. Просто кампания в прессе мне пока не нужна.

Ресторан. Поднимаются по лестнице.

Глотов (Рагутову и Заболотову): -Ну, давайте, давайте, бодрее. Я ведь не камни вас ворочать заставляю, лирически провести вечерок!

Садятся за стол.

Глотов: -Заказывайте по своему усмотрению.

Официантка подает горячее и вино.

Глотов (официантке, кричит): -Где вы воспитывались! Люди из дальнего зарубежья приехали, я им нашу российскую культуру пришел показать. Холодное сначала подают!

Игорь: -Петр Пантелеевич, это моя беда, я забыл заказать.

Глотов: -А тебя не спрашивают! Она должна знать. Позвать сюда администратора! Вот из-за соседнего стола до нас донеслось, что у вас язык есть на закуску, салат из осетра. Вы обязаны перечислить, а не меню нам совать! И что за вино, нам такая дрянь не нужна! Принести сюда водки бутылку! Хорошей, самой дорогой водки – «Абсолют» или «Смирнова», а не дерьмо!

Официантка возвращается с бутылкой дорогой водки, на ее лице удрученная мина.

Глотов (притворно, ликующе-игриво возмущаясь): -Что это такое?.. Я пришел отдохнуть, мне должны создать хорошее настроение, а у работников сферы обслуживания такая мина на лице. Почему вы не улыбаетесь? Улыбайтесь! Вам за это платят! - *хохочет.*

Официантка: -Извините, господа, у вас свободное место, я посажу сюда одного человечка...

Глотов (нервно орет): -Подсадных ментов нам не надо! У нас занято. Я пришел отдохнуть, имею я право взять стол?!

Официантка: -Но у вас заказ на троих.

Глотов (протягивая тысячу рублей): -За место. Я пришел отдохнуть! Стукачей не подсаживать!

Официантка берет деньги, уносит свободный стул.

Глотов (разгоряченно, своим): -Я им покажу! Дешевки и ворье здесь работают! Хотела подсунуть стукача, ментовская подстилка. Ничего, я ей приготовлю сюрпризик при расчете! Ты, Леша, потребуешь счет, а мы посмотрим.

В зале танцуют.

Глотов (опрокидывая стопку): -Я сегодня лимон заработал, могу и расслабиться... А вы - что вы за компаньоны! И ты, Игорь, это мне брось - потрафлять официанткам, идти на компромисс. Мы здесь все заодно! – *Опрокидывает еще стопку. (Заболотову).* – Леш, глянь, вон, там, девушка тургеневского типа, затаци-ка ее сюда. Да поделикатнее.

Заболотов (возвращаясь): -Отказ. Пролетарка.

Глотов: -Сам ты пролетарий. Надо было Игоря запускать. А, с его Лоркой все равно никто здесь не сравнится.

Появляется официантка. У Глотова перед глазами плывет, двоится.

Глотов (опьяневший, вытаскивая кучу скомканных купюр):

-Это тебе, дорогая. Все было не плохо.

12

Квартира Глотова.

Глов (по телефону, Игорю): -Игорь, будь друг, загляни на часок. Нужна твоя помощь.

Приходит Игорь.

Глов: -Я жду одного коллекционера, он иконку принесет. Помоги оценить свежим взглядом.

Игорь: -Хорошо.

Глов: -А еще парочку иконок не возьмешься подреставрировать?

Игорь: -Петр Пантелеевич, не могу я все время заниматься этим. У меня свои планы.

Глов (раздраженно): -Ну вот, мы ведь с тобой друзья, и не хочешь помочь в такой мелочи. У меня сейчас завал, понимаешь, встреча в Берлине с коллекционерами, коллекцию нужно привести в порядок. И что тут сложного, икона то же ремесло: в ней личности автора нет, нет его отношения к действительности. Личность религиозными рамками отгорожена полностью. Стандарт.

Игорь: -Вот уж не согласен с вами, Петр Пантелеевич. Свобода иконописца и состоит как раз в освобождении от мирских страстей. Он ведь пишет, по его мнению, высшую реальность - Бога. В иконе личностное не доступно поверхностному взгляду. Оно в красках, композиции... Что-то коллекционер ваш задерживается. У меня туго со временем.

Глов: -Придется подождать. Ты все равно опоздал на работу, так уж посиди. Мне важно.

Игорь: -Вас можно поздравить: и депутатом Гордумы выбрали, и председателем Союза художников.

Глов: -Успех в том, чтоб правильно расставить паруса - ветер тебя сам вынесет к цели. А паруса расставлять я могу... Смотри, я купил прекрасный домашний кинотеатр...

Звонок в дверь. Входит коллекционер со свертком. Разворачивает икону.

Глов: -Девятнадцатый век, ничего особенного. Единственное, могу предложить вам обменять ее на эту старую книгу.

Игорь: -Зря это делаете, икона не стоит такой книги.

Глов: -Ерунда, с хорошими людьми я не привык считаться.

Коллекционер уходит.

Глов: -Мыслить нужно на много ходов вперед, а я, слава Богу, в отличие от большинства, это делать умею. Он, кстати, не коллекционер, а мой бывший компаньон по строительству виллы, у которого я вначале взял малость земли, а потом немного, но насовсем бортанул из числа совладельцев. Пусть знает, что я человек добрый и ничего против меня не замышляет. Врагов не грешно убирать любыми способами, в том числе и подкупом. Талантливые враги - роскошь опасная... Ну так как? Поможешь с реставрацией?

Игорь: -Нет. Вы уже готовы превратить меня в часть конвейера.

Глов (со злостью): -Ну как хочешь. В принципе, ты мне больше не нужен. Но у меня есть одна на этот раз серьезная вещь, и здесь потребуется высокопрофессиональный реставратор. Пусть Лариса зайдет ко мне.

Собрание в Союзе художников. В президиуме Глов.

Глов: -Господа художники!..

Голос из зала: -Почему «господа»?

Глов: -А кто же?.. Один фамильный замок норвежскому барону оформляет, другой из Эмиратов не вылезает, «мерседесы» покупаете, «вольвы» разные - так кто же вы?..

Господа, однозначно господа!

Другой голос из зала: -И много ли таких у нас!

Готов: -Так вот, господа художники. Кто еще не поставил подпись о нашей поддержке решения вернуть в Германию перемещенные во время войны художественные ценности? Перечень картин из нашей областной галереи дан – уверяю вас, мы нисколько не обеднеем. Зато представьте, какое моральное превосходство мы покажем немцам! Мы покажем им, что у нас есть совесть. Вот что, господа художники, я вижу, самосознания у вас нисколько нет. Зато вы очень активно ходите ко мне выпрашивать бюджетные пособия на краски и холсты. Что ж, списочек у меня всегда при себе. Неподписанты на пособие могут не рассчитывать.

Художники неохотно тянутся к столу, ставят подпись в листе.

Готов: -Прекрасно. Осталось обработать еще одну общественную организацию, и мы передаем наши требования в департамент культуры, а затем на заседание областной Думы.

Широков (с галерки): -Петр Пантелеевич, чего ж вы так о немецких фашистах-то печетесь. Они-то нам вернули награбленное, отстроили разрушенное?.. Воскресли убитых?.. Что, у нас своих проблем нет?..

Готов: -Проблемы есть. И главная проблема – это ты.

Художники постепенно расходятся. К Готову подходит журналистка (ранее бравшая интервью у Орлякова).

Журналистка: -Петр Пантелеевич, недавно вы пожертвовали свою зарплату председателя городского Союза художников в помощь студентам. Конечно, зарплата маленькая, а вы человек, говорят, состоятельный, но важен факт, добрый почин, и это очень похвально. И вот новая инициатива. Как вы ее прокомментируете?

Готов: -Вы уже слышали мнение отдельных... лиц. Вспоминают фашистов. Я повторяю. Фашистов теперь нет, есть народ. Чтоб идти вперед, мы должны избавиться от нашего рабского советского прошлого и вступать в будущее с чистой совестью. Тогда и свои проблемы решатся. Не хлебом единым!.. В этом смысл нашей акции.

Журналистка: -На заседаниях Городской думы вы всегда и во всем поддерживаете мэра, хотя слывете оппозиционером. А ведь деятельность мэра далеко не однозначна – он дает налоговые послабления сверхбогатым людям и вздувает квартплату для малоимущих. Вот и вы никогда не знаете отказа в финансировании своих выставок за счет бюджета, всегда помпезных и роскошных... По крайней мере, так утверждают злые языки.

Готов: -Так то ж злые языки... Пойми, деточка, у человека, который творит реальную политику, всегда есть злые языки. Я, как творческая личность, должен самовыражаться. И если ко мне благоволят избранная народом власть, что ж здесь плохого?

Журналистка: -Петр Пантелеевич, редактор просил передать, что ваши выступления повышают тиражность нашей прессы...

Журналистка уходит. Широков скручивает какой-то свой холст.

Готов (проходя мимо): -Что, Широков, все бьешься головой о стену, тридцатый год продаешь картину, которую никто не покупает?

Широков: -Покупают проституток, вроде тебя.

Готов (оскорбившись, но сдержавшись): -И все же, Широков, все вы лукавите и лжете: вы хотите, однозначно хотите извлечь из своего искусства капитал. Ан нет, не удастся. Да и за дешево бы хотели, да и так не берут. Вот и придумываете оправдание, судьбу одиноких и непризнанных.

Широков: -Принципы и убеждения не продаются, Готов. Художник думает об истине, а не о том, как ее продать. Миллионы оплеванных русских людей сделали главное совершенно безвозмездно – и ты жив благодаря им. Их подвиг не был товаром. Ты думаешь, новый мир твой?.. Да, твой. Но не вечный, как опухоль.

Готов: -Знаешь, Широков, я бы на твоём месте вообще не писал.

Широков: -А на твоём месте я бы не жил.

Квартира Глотова. Приходит Лариса.

Готов (снимает с нее шубку, припадая на колени, помогает расстегнуть молнии красных сапожек): -Красавица ты моя!..

Проходят в зал. На передвижном стеклянном столике на колесиках стояла бутылка «текилы». Тут же газета с фотографией Глотова и крупным заголовком «Жест великодушия».

Готов: -Это о моей инициативе вернуть в Германию художественные ценности... Игорь говорил, ты любишь «текилу».

Лариса: -В с ума сошли, Петр Пантелеевич. Это же сумасшедшие деньги...

Готов: -Ты дороже, золотце... Ах, да, вот иконка...

Лариса внимательно покрутила в руках «дощечку».

Лариса: -Семнадцатый век. Очень дорогая вещь. К тому же краденая из какого-то серьезного музея, - она показала ярко крашеным длинным ноготком на тщательно стертый номер на обратной стороне.- Вы как будто это не понимаете, Петр Пантелеевич. Статья УК. Вы должны заявить об этом в милицию, а икону сдать государству.

Готов (усмехаясь): -В милицию. А может, они сами коллекционируют такие штуки. Да и государство нынче не в моде. На милицейскую-то зарплату жить плохо. Я знаю кой-кого из этих... «товарищей»... Ну ладно, ладно, - он выхватил икону из ее рук и собрался куда-то уносить, но вдруг остановился. -Ларочка... А может быть, я ее тебе подарить собрался.

Лариса: -И как мне это прикажете понимать, Петр Пантелеевич? Как провокацию?

Готов: -Ну вот...- икону он все-таки куда-то унес, а когда вернулся, налил стопку «текилы».

Лариса: -Только полстопочки. И только потому, что «текила».

Готов: -Ларочка, оставайся сегодня у меня, - он ее вдруг крепко обнял.

Лариса: -Ты чего, сбрендил, Готов?

Готов: -Да, сбрендил. По тебе. Ты заноза в моем сердце – давно уже. Ты красивая.

Лариса (с мягким высокомерием): -Я без тебя давно знаю, что красивая. Ты мне никакой Америки не открыл.

Готов: -Так остаешься?..

Лариса (играя): -Да неудобно как-то, Петр Пантелеевич.

Готов: -Неудобно только штаны через голову надевать.

Лариса: -Ну и что ты мне можешь предложить, Готов?..

Готов: -Будешь моей любовницей, все окажется у твоих ног, - возможности, квартира, вилла. Про средства молчу – само собой разумеется. У меня много участков земли в самых лучших районах Города, почти в центре.

Лариса (с усмешкой): -Странно. Года еще два назад ты был почти такой же, как все. И откуда у тебя взялась земля?..

Готов: -Головой работать надо, и иногда проявлять решительность. У нас много всяких ничтожеств, которые землю занимали. Я Город просто от них избавляю по мере сил.

Лариса: -И ты считаешь себя правым?..

Готов: -Бесспорно. Выживает сильнейший. Кстати, это государственная политика, а государство всегда право.

Лариса: -Даже если оно преступно?

Готов: -Ну ты, милочка, замахнулась.

Лариса: -Фашистская Германия тоже была государством, и уничтожила пятьдесят миллионов человек по всему миру. А Россия большая, и потому уничтожает своих - миллионами, и другими методами.

Готов: -Из таких милых уст и такие страшные слова.

Лариса: -А ты, наверное, думал, я пустышка, Готов.

Готов (снимая с Ларисы шарфик): -Ничего не думал. Так остаешься?..

Лариса молчит.

Готов (преобразившись): -Знаешь, Лара, вы, женщины, слишком конкретно и потому

убого мыслите. Возможно, это атавизм вашего совковского бытия. Средства? Честно говоря, даже как-то оскорбительно слышать, когда мне про них намекают. Дело в том, что средства меня с некоторого дня моей жизни больше не интересуют. Да, ты можешь жить и не работать до конца дней. За тебя будут работать эти бараны и говнюки. Понимаешь, человек тварь слишком примитивная, и его всегда можно упрячь в нужную телегу. Но... скучно, очень скучно. Дело в другом. В том, что этими средствами ты можешь управлять людьми, их помыслами, телодвижениями целого общества. А то и одним махом вычеркнуть их из жизни. Вот истинный кайф!.. Они, эти серые, и даже что-то мянущие о себе уроды, считают, что им кто-то чего-то должен. А я говорю: «Вы без меня и дышать-то не должны. Я теперь ваш благодетель». А ты – средства... - *выкладывает на стол красивый кожаный кейс.* - Как думаешь, что в нем?.. Открой!

Лариса щелкнула золотистыми защелками. Кейс был доверху набит пачками американских денег.

Глотов (с ироничной скромностью и вместе с тем испытующе): -Это моя зарплата.

Лариса (с равнодушием): -Так мало? Фи... Нет, Глотов, я передумала. У меня есть любимый человек, а любовники мне не нужны.

Глотов (нервно ходит по комнате): -Хорошо. Я согласен! Согласен!

Лариса: -С чем согласен?

Глотов: -Ах, да. Раз у тебя такие претензии... Ты станешь моей женой. Именно такая женщина мне нужна.

Лариса: -Ну все... Игра окончена. Я уйду, - она отставила в сторону недопитую хрустальную стопку с «текилой».

Глотов (вновь театрально припадая на колено): -Лара, я все понял. Ты будешь моей женой... Знал, что ты спросишь... я разведусь сразу же. Твоя жизнь изменится очень скоро. Деньги все решают. Ты больше не будешь заниматься повседневным рутинным трудом.

Лариса: -Хорошо бы. Но я не буду счастлива с вами, Глотов. Не скажу, что вы не интересный человек...но вы слишком далеки от моего Игоря...

Глотов: -Так и знал. Ларочка, все будет твоим. Но ты же умная женщина. А Игорь, Игорь... Хороший парень, но он ведь голодранец, харизмы нет у него.

Лариса: -Петр Пантелеевич, я его люблю.

Глотов (нервно ходит по залу): -Так и знал! Влюбленная кошка! Метр девяносто, ну и что. Таких до хрена. У меня сейчас заказ на команду баскетболисток, хорошо сложенные, правда, красавиц среди них только две на всю команду. А пять штук по двести сантиметров, почти с боксера-тяжеловеса этого, как его...

Лариса (испуганно): -Они, наверное, ужасные лошади... И я ведь не лесбиянка, Глотов, зачем вы мне это все несете?..

Глотов: -Важен имидж. Вот ты среднего для женщины роста, а характер, красота... Забудь его, забудь. Игорь бессребреник. Он загрузит тебя своими проблемами, а что будет потом... С ним ты никогда не выберешься из этой опостылевшей рутины. Ты осложнишь свою жизнь, вот и все. А жизнь одна, другой не будет.

Лариса: -Глотов, я даже никогда не думала, что с вами можно спать. Вы слишком далеки от моего идеала.

Глотов: -Кобеля нашла. Он ничтожество.

Лариса (взрываясь): -Вот его не троньте. Кобель – это про вас.

Глотов (слащаво): -Достал он тебя, да?..

Лариса: -Я люблю его. Он – мой человек. А ты – не мой.

Глотов (холодно помогая надеть Ларисе сапожки): -У меня будет только одна просьба к тебе, Лариса. О нашем разговоре Рагутову – ни слова.

Лариса: -Разумеется. Было бы очень глупо с моей стороны, тем более он очень ревнив. Так что можете не беспокоиться, Петр Пантелеевич: все останется между нами.

Когда дверь за Ларисой закрылась, Глотов налил в тяжелый хрустальный стакан грамм сто пятьдесят водки и выпил. Потом вышел на улицу. В киоске купил несколько

пирожков на закуску – он собирался заехать к знакомым, отвести душу, и выпить еще. Сзади него очутился милиционер.

Милиционер (принюхавшись): -Отойдете в сторонку. - Милиционер вытащил рацию и, кажется, собрался вызывать наряд.

Глов (удивленно): -Вы что задумали?

Милиционер (холодно и нагло): -От вас пахнет, мужчина. Вас нужно забрать в вытрезвитель.

Глов (взбесившись): -Я что, за рулем?!

Милиционер: -Все равно нарушаете.

Глов (копаясь в карманах, вытаскивая деньги): -Может, договоримся, сержант? Триста рублей устроит?..

Милиционер: -Триста возьмут с вас в вытрезвителе. Пятьсот.

Глов: -Это грабеж. Ладно...

Милиционер: -Постой! Сейчас вы медленно залезете в карман, скомкаете в ладони пятисотку и потом пожмете мне руку, как будто прощаетесь. И улыбайтесь, улыбайтесь побольше!

Глов: -В моей бороде улыбки не видно, - передает в рукопожатии нужную купюру.

Удалившись на приличное расстояние, ругается:

-«Улыбайтесь». Поганая мразь! Что за продажные времена!..

Берет такси, едет к себе на «виллу». Его встречает Заболотов.

Глов: -От тебя когда-нибудь баба уходила?

Заболотов: -Что, жена ушла?! Впрочем, вы ведь и так живете с ней порознь...

Глов: -Да нет... Хорошая сочная телка, которая была почти твоей. Хотя я с ней и не жил, но дело не в этом.

Заболотов: -Не при ваших капиталах заниматься подобными переживаниями. Да любую свисните...

Глов: -Понимаешь, я смотреть на нее спокойно не могу. Она не любая и других мне не надо. Но мое материальное положение ее, как видно, не интересует.

Заболотов: -Ой ли! А что касается меня, так я всегда сам первый уходил от них.

Глов: -Ладно, хорош бахвалиться. Один свой человек из «органов» шепнул, что телефон у меня на прослушку поставили, поэтому ты поосторожнее, хотя лично я никогда телефону не доверял. Из-за икон, хотя здесь я по закону чист, как ангел, меня не ухватить. Так представляешь, телефона им мало показалось. Каким-то образом узнали, что я телевизор в ремонт сдаю – так в телевизор «жучка» умудрились сунуть! Представляешь! И кому, мне – депутату Гордумы. Хорошо, есть свои люди, сообщили, в тот же день и удалили «жучка»-то... Вот что, Лешенька, позвони-ка в «Досуг», выпиши пару девочек... Нужно успокоить нервы.

13

Беззаботное и тихое утро на «вилле» Глова. Столовая. На столе самовар. За столом Глов и Заболотов.

Заболотов (наливая Глову чай): -Помню, когда вы виллу-то, Петр Пантелеич, строить начинали, трудностей много было, не то, что сейчас...

Глов: -В советское время, Леша, много дурного было. Например, в городской черте индивидуальное строительство вообще было запрещено. Но и тогда, и сейчас бюрократия это такая система, которую можно обходить на каждом шагу, нужно лишь найти способ подмазки... Не зря у меня уголовный кодекс - настольная книга. Мой путеводитель в житейском море. Опасно? Ничего опасного. Опасность есть во всем. Ты родился - это уже опасно.

Заболотов: -А откуда вы в те годы столько колючей проволоки взяли, которой виллу

обнесли?

Глотов (хохочет): -О, забавный случай, сейчас смешно вспоминать, до чего нас комуняки доводили, до какой мелочи... Так вот, на химзаводишке одним продукцию разворовывали. Я об этом знал, знал так же, что у них есть запасы колючей проволоки, которая мне как раз очень нужна была. Поймал я главного инженера и говорю: «Безобразия! Я тут из комиссии треста по борьбе с хищениями. Выделите нам несколько мотков колючей проволоки, мы вам завтра же участок обнесем, чтоб воровства не было». Инженер мне на честное слово выложил в условленном месте несколько мотков (это только представь, чтоб сейчас кто-то чего-то тебе под честное слово сделал, во времена были!..) Вечером, когда никого не было, мы приехали на грузовике и проволоку забрали себе. А что, неправильно я поступил?.. Если бы люди все делали правильно, то мы бы до сих пор жили в каменном веке.

Понимаешь, Леша, если человек предприимчив, то он предприимчив всегда. Другое дело, что эпохи имеют разный масштаб. Одни эпохи превращают нас в пигмеев, и мы, как пигмеи, подбираемся мелочами, потому что иные пласты закрыты для нас. А другие эпохи дают неслыханные возможности!

Заболотов: -В том месяце обещали вам бассейн достроить...

Глотов: -Я хочу над частью бассейна пол с подвохом установить. Представляешь, стоят девицы, вдруг пол раздвигается, и они падают в воду, а! А еще мечтаю оборудовать скрытой видеотехникой комнаты «для друзей». Забавно будет посмотреть, что они делают со своими подругами.

Заболотов (бережно ощупывая экспонаты из коллекции старинного оружия): -Цены им нет...

Глотов: -Всему есть цена. Знаешь, Леша, сами по себе эти безделки меня не волнуют. Они для меня лишь один из способов разбогатеть. Да, с меня три шкуры содрали, пока я сам не понял, что есть что. Но сейчас меня на антикварчике не проведешь. Сейчас мое время пришло. При Советах я бы свою виллу до конца жизни не построил. А теперь – вот она! Время фантастических возможностей.

Даже президенту Конституция не возбраняет быть сумасшедшим, алконавтом или дегенератом. Или агентом чужой разведки. Или масоном. Или членом Комитета трехсот. Я вот что думаю: не покататься ли мне перед мэрией на танке и не популять ли по ней, а? Или, на худой конец, помочиться у входа. Кому-то можно, а мне, что, нельзя? Нехорошо-с!» А если серьезно, лично я многим обязан феномену Бориса Николаевича. Он для меня как мать. А мать не выбирают. Если б не дорогой Борис Николаевич, где бы я сейчас был!.. Ты вот что, Леша, пригласи-ка пару девчонок из «Досуга».

Заболотов: -Ну вот, вы все туда же, Петр Пантелеич. Я так с баб сам всегда выматываю все, что возможно. Мой принцип. Еще чего, буду я на них тратиться, пошли они к дьяволу! Хотите, я вам бесплатно их найду, этого добра навалом бродит!

Глотов: -Знаю я твоих... экспонатов. Ты не скопидомничай, Леша, не жмись, не твои деньги.

Заболотов (ворчит): -Все вы со своими причудами, Пантелеич. Не разберешь вас сразу. Деньгами сорите. Ладно, позвоню я в «Досуг».

Квартира коллекционера.

Коллекционер: ...Читали криминальную хронику – про старушку убитую? Убили ее не нарочно, просто она проснулась не во время, когда к ней зашли за иконами. Самое главное, все бабкины иконы были двадцатого века и не представляли никакой ценности.

Игорь: -Этим нелюдям все равно. Они человека за трешник убьют. Ну, с грабежами в деревнях все ясно. Отняли - и все. А вот как жители добровольно свои иконы отдавали разным коробейникам, какой же такой магией их брали, вот для меня загадка! Ведь для них икона не для нас с вами, расписанная доска, пусть и произведение искусства. Она служила

средством приобщения к Богу, к совести. Икону самые близкие люди, уходя из жизни, завещали. Иконой молодых благословили.

Коллекционер: -Что верно, то верно. У одной старушки на моей памяти икона была, передавалась из поколения в поколение с тринадцатого века - фантастика! Мне как-то специалисты историко-художественной экспертизы заметили очень тонко: самые лучшие теперешние иконописные вещи не сравнишь со старыми подлинниками. В них не лучится вера в Бога, что сошла с кисти старого мастера. Вот посмотрите, - *коллекционер раскладывает на столе несколько икон. Рагутов их рассматривает.*

Игорь: -Ничего не понимаю. Теперь им на вид лет триста...

Коллекционер (с тревогой): -Что значит «теперь»?..

Игорь: -И за сколько вы их приобрели?

Коллекционер: -За сумму весьма приличную. Такая старина дешево не стоит. Да и письмо великолепное, мастер талантливый.

Игорь: -Как они к вам попали?

Коллекционер: -Знакомый продал.

Игорь: -Кто?

Коллекционер: -Не могу сказать.

Игорь: -Тогда я вам скажу. Глотов Петр Пантелеевич, и при этом крупно вас надул. Понимаете, это совсем новые вещи.

Коллекционер: -С чего вы взяли, вы что, эксперт?

Игорь: -В данном случае более, чем эксперт, потому что я писал иконы. Просто с ними сотворили что-то невероятное. Видимо, какие-то новейшие секретные технологии. А вы купились.

Коллекционер: -Не могу поверить. И вы что, хотите сказать, что не состояли с Глотовым в сговоре?

Игорь: -Понимаете, Глотов и меня обманывал. Когда я ему реставрировал кой-что, он говорил, что иконы пойдут только для его коллекции. Когда писал новые – что отдаст их в храм. Конечно, он мне платил, но, как теперь я понимаю, сущие гроши. А я, провинциальный дурак, развесил уши. Я помогал ему скорее дружески, да и работа была для меня интересна. Лишь потом стал подозревать, что здесь что-то не так, особенно когда из его коллекции пропала одна икона, другая. А теперь мои подозрения лишь полностью подтвердились. Как говорят американцы, он меня «использовал», хотя это нерусское и какое-то гадкое выражение...

Двор многоэтажного дома. Рагутов подходит к подъезду, натывается на трех скинхедов. Те набрасываются на Рагутова, наносят побои, сваливают на дорогу, зверски пинают. Звучит случайный свисток, который вспугивает скинхедов, и они быстро уходят. Игорь поднимается, звонит в дверь, ему открывает Лариса.

Лариса: -О боже!

Игорь: -Ко мне подослали каких-то подонков. Это Глотов. Глотов. И Вадима поджег тоже Глотов.

Лариса пробует снять куртку. Игорь вскрикивает.

Лариса: -Родненький, вызову скорую.

Игорь: -Не суетись. Я ведь живой. Но ребра, кажется, сломаны.

Лариса: -Кто тебя тянул за язык у этого коллекционера! Не догадывался, кто такой Глотов? Ты был винтиком в его аферах, а не другом, как он тебе говорил!

Игорь: -Кажется, Лор, только сейчас до меня стало доходить, какую опасность для общества несут большие деньги, если они принадлежат мерзавцам, интеллектуальным мерзавцам. Даже праведники нанимаются к ним за гроши и исполняют кощунство, не ведая того...

Лариса (промывает раны): - Нас не спросили о таком порядке вещей. Но мы вынуждены жить там, где сейчас находимся. Нужно забыть об этом человеке, об его

окружении... И идти дальше.

Игорь: -Когда из тебя хотят сделать отбивную котлету, это с трудом уходит из памяти, Лор. И все же, что он сделал с моими иконами?

Лариса: -Я знаю об этом методе. Он прост, как все гениальное: икону сначала не надолго помещают в печь, а сразу потом - в холодильник. И так по несколько раз.

Игорь: Вот я художник. Ты – реставратор...

Лариса: -Никакой я не реставратор. Я с большим удовольствием бы учила детей в художественной школе. Или даже в простой – рисованию. Так обстоятельства сложились, знаешь. Ну, что ты хотел сказать?..

Игорь: -Нужно ли это кому-то, вот что. Мир стал совсем другим. Он даже сам себя не может осознать. Когда-то в далеком детстве я задумался о том, что каждый час жизни должен быть использован целенаправленно. Я даже решил, что распланирую всю свою жизни на десятилетия вперед... С каким смыслом, и ради чего, хотел бы я теперь спросить того юного и самоуверенного...

Лариса: -Успокойся. Тебе нужно прийти в себя. Запомни: мы не одни. Глотов – еще не все. Несмотря на его власть. Ладно, поспи, миленький. Утро вечера мудренее.

Здание Союза художников. Игорь натывается на Заболтова.

Заболотов: -Зачем же Глотова-то обманывал? Продавал ему какие-то подделки?

Игорь: -Я вообще ему ничего не продавал.

Заболотов: -Ладно, слыхали. Продавал бы кому-нибудь другому, помельче птице, а то ведь он личность известная.

Игорь: -Да пошел ты! – прихрамывая после травмы, идет по коридору, стучится в каморку Широкова. Никто не открывает. Усаживается в ожидании у окна.

Орляков (проходя мимо): -Здравствуй, Игорь. Сочувствую. Когда женщина уходит, это плохо. Да сам пойми, кто она.

Игорь: -Вы о чем?..

Орляков: -Не таись, все же говорят об этом. Что Лариса тебя выгнала.

Игорь: -Что за бред!

Орляков: -Ждешь кого?

Игорь: -Широкова.

Орляков: -Не расстраивайся, бывает. Это, конечно, не мое дело, но если женщина была в публичном доме, нечего на нее рассчитывать. Природа никогда не бывает полностью щедра. Такая внешность и... К тому же наркоманка. Кого она тебе родит! А ты парень серьезный.

Игорь: -Черт, простите... Лариса никогда не была в публичном доме!! Она не наркоманка! Что за ахиною я сегодня целое утро слышу!

Орляков (показывая толстый фолиант): -Вот, иллюстрированный справочник с биографиями художников только что выпустили.

Игорь (листая его): -Странно, меня здесь нет. А я ведь сдавал материалы...

Орляков: -Я знаю, кто-то главному редактору позвонил из влиятельных, и статью о тебе в последний момент сняли... Ну, прости, если что не так сказал.

Орляков уходит. Игорь смотрит в окно. К парадному подъезду подкатывает черная громадина «Хаммер». Из-за руля вылезает важный Глотов. Он бережно смахивает щеткой пыль со стекла и капота. Уходит в здание и возвращается с картиной в руках, замотанной газетами. Машина разворачивается и уезжает. К двери подходит заплаканная Светлана.

Игорь: -Привет, Света. Вадима жду.

Светлана: -Он больше ничего тебе не скажет... Вадим умер.

Игорь: -Ты что!.. Когда это случилось?

Светлана: -Сегодня утром. Никто еще об этом не знает.

Игорь: -Где он сейчас?

Светлана (кивая на каморку): -Он – там. Скоро придет машина, его отвезут.

Игорь: -Можно, я посмотрю? –Входит в комнатку. Он отогнул простыню с тела, лежавшего на единственной кровати. Ну да, это был Вадим, и на лице его застыла беспечная улыбка. -Как это случилось, как?!

Светлана: -Был у него вчера какой-то забулдыга. Поил его. А сам не пил, вот что подозрительно. Очевидцы заметили это. Забудыга ушел, а с Вадимом плохо стало. Я ведь с Вадимом в разводе, а тут как чувствовала, зашла. Знаешь, что Вадим мне сказал? «Если не умру сегодня, найдите завтра Игоря, очень мне с ним поговорить надо. Очень». Вызвала скорую, да напрасно. Когда она приехала, он уже умер.

Кладбище. Похороны Широкова. Много людей. Лариса рыдает. Игорь вздрагивает от удара комков глины, падающих в могилу.

Помещение в Союзе художников. Поминки.

Орляков: -Вадим жил по совести и был человеком совести. В том все дело. Он каждому помогал чем-нибудь, совершенно бескорыстно, даже когда и самому просто не на что было жить. Таких людей все меньше сейчас...

Игорь: -Широков не числился в поминальниках парадных кураторов нынешнего искусства. Более того, в разгар перестройки и провозглашенного свободомыслия за «неправильные» взгляды его по-тихому рекомендовали нигде «не светить», и потому Широков в качестве художника никогда не существовал для любителей либеральных ценностей, буржуазной демократии и сохранности собственной шкуры.

Готов: -В общем, мemento мори, так, кажется, говорили древние.

Игорь: -Они еще по-другому говорили: помни о жизни.

Готов: -Вот она, русская натура, всегда нужно устраивать этакий реквием да балаган на полную катушку и пускать пьяные слезы. Ну, умер человек, так и умер. Нечего трубить об этом на каждом углу. А нашим – был бы повод нажраться бесплатно. Вон, по обычаю некоторых народов, когда человек умирает, все пляшут и песни поют, дескать, отмучился человек, слава Богу. И наоборот, когда рождается, так они плачут: еще один человек на страдания обречен.

Игорь: -А по обычаю канибалов принято кушать друг друга, Петр Пантелеевич. Но мы-то не людоеды. Мы-то пока еще русские. Славяне.

Готов (злобно): - Славяне? А что ты знаешь о славянах! Об их расселении и великом переселении народов?.. Ты еще придаешь сам себе какое-то значение?.. Таких, как вы-то, полно: придумают себе выдающуюся судьбу, а у самих ни ума, ни таланта, ни воли. И занимаются всю жизнь тем, что ищут виноватого. Многим я из вашего брата рога пообломал. И заслуженно! А вообще я человек тонкий, и нервная система у меня совсем стала ранимая из-за таких, как вы.

Орляков (Готову): -Я давно заметил, люди вашего типа очень часто любят жаловаться на свою скромность и слабость характера. А расскажи-ка нам, Готов, зачем ты так заботился о возвращении перемещенных в годы войны ценностей обратно в Германию? Почему мы подписывались под твоими декларациями – знаем. Потому что мы доверчивые идиоты.

Готов: -Орляков, ты, видимо, совсем не читаешь газет...

Орляков: -Читать мы умеем, и ваше вранье выучили наизусть. А расскажи нам все-таки, что же произошло на самом деле, для чего ты так рьяно об этом пекся. Сколько себе взял?..

Готов: -Меня не интересуют твои умозаключения. Засунь их себе в задницу. И мне плевать, что ты «заслуженный». Сидишь в моем доме, за моим столом и пьешь мою водку, которую я вам купил на поминки. Так кто же из нас заслуженный? – *Готов хлопнул рюмку.* –

Пошли, Заболотов. Неблагодарные свиньи.

Чей-то голос: -Ну-ка, чего он мелет – «в моем доме»?

Орляков: -Да, да, я не ошибся. Наш великолепный дом, в котором мы сидим, Петр Пантелеевич каким-то образом сумел приватизировать, причем, уверяю вас, за сущее копые, так что он совершеннейше прав.

Гул возмущения.

Чей-то голос: -Ну, а картины-то, картины немецкие – тут что?..

Орляков: -Понимаете, мужики, по немецким законам лицо, содействующее возвращению в Германию культурных ценностей, конфискованных во время войны, получает до семидесяти процентов от их стоимости. Вот вам вся его любовь к искусству и торжеству справедливости.

Чей-то голос: -Так где ж ты был раньше, чего молчал?..

Орляков: -В том-то и дело, что недавно узнал. И сделано так, что комар носа не подточит. Коммерческая тайна. А обращаешься в «органы», как услышат фамилию Глотов, и разговаривать не хотят – заслуженный человек, как можете... На том все и кончается. Так что здесь он опять прав. Выходит, он заслуженный, а не я... Додумался Глотов до этой золотой жилы не сам. Люди гора-аздо выше его таким бизнесом под шумок давно занимаются. А Глотову за старые заслуги один продажный юристик на нужный лаз указал.

Снова гул возмущения.

Чей-то голос: -Чего удивляетесь! Полстраны давно натовцам, да бендеровским недобиткам раздарено, а они про картинку сокрушаются. Погодите, скоро и вас-то живьем в рабство продадут...

Чей-то голос: -Вы смотрите, кто Глотов - не созидатель, а обычный вор, пусть и в законе, да теперь все они в законе. Надменен, кичится этим, как будто создал что-то – а ведь всего лишь украл у других, много украл. Он полагает, что богат. На самом же деле богаты мы. А его деньги для Бога не имеют никакого значения. Он сказал, что этот дом – его. Глотов превратится в прах, но наш дом будет стоять!

Чей-то голос: -Что, все также кучу иллюстрированных журналов выписывает?

Чей-то голос: -К чему ему столько?

Чей-то голос: -Использует находки других художников, манеру, сюжеты – чистый плагиат! Чужие достижения выдает за свои. Шарит по чужим душам и мастерит мозаику из краденого.

Чей-то голос: -Так ведь ложь получается-то. Искусство там, где есть правда большого сердца! Помните его стиль: со вкусом рисует задницы, неприлично расставляет ноги, асимметричные лица пишет, судорожно цепляющиеся руки - да он посмеяться над людьми хочет, унизить их... В этом есть что-то отвратительное - ненависть к человеку и плумление над ним. Что ни говори, в искусстве подлец виден сразу – не скроешь, чем дышишь.

Чей-то голос: -А помните, как в отсутствие Глотова Вадькину выставку утвердили? Глотов приехал из командировки, когда уже залы оформляли. Ходит по галерее красный, словно выпил хорошо. Единственное, что мог сделать - стал запикивать ногой Вадькины картины за оставленный после ремонта лист фанеры. Думал, не заметят. А Вадим заметил, кулак ему поднес. А кулачище у него ух и тяжелый был – Глотов сразу стухнул...

Чей-то голос: -Помянем Вадима...

Орляков: -Поздно только, мужики, вы прозревать начали...

Утро следующего дня. Каморка Вадима. Игорь разбирает остатки его работ. Какие-то люди уже хозяйничают в комнате, деловито решают, что выкинуть сейчас на свалку, что оставить, каким будет будущий интерьер. Игорь сжимает небольшую папку рисунков, уходит.

Прокуратура. Кабинет следователя.

Следователь: -Молодой человек, таких смертей полно. Явное отравление метиловым

спиртом. Очень много алкоголиков кончают именно таким образом.

Игорь: -Но его угощал кто-то вроде бомжа, который сам не пил...

Следователь: -Это ни о чем не говорит. А этот ваш художник хватанул первое, что попало под руку. Вот и все. Сам виноват. В общем, я не вижу основания для возбуждения уголовного дела.

Игорь: -Я гляжу, вам лишь бы отмахнуться. Словно это никогда с вами не случится.

Квартира Ларисы. Игорь смотрит с балкона. Идет человек, похожий на Вадима.

Игорь: -Вадим!

Человек оборачивается. Это не Вадим.

Игорь вернулся в комнату, и долго смотрел на картину, подаренную ему Широковым в первые их встречи. К нему тихо подошла Лариса, тронула за плечо.

Игорь: -Знаешь, Лор, какое-то удивительное чувство: смотришь его картины, и кажется, Вадим где-то здесь, у нас в гостях. Странное, таинственное чувство его присутствия.

Лариса: -Да, никто из нас никогда не думал, что Вадим может умереть. Так же, как никогда не думали, какими бережными должны мы быть друг к другу... Игорь, если кто-то спросит, никогда не говори, что он отравился поддельным алкоголем, не давай поводы для лживых пересудов. Ни к чему. У него остановилось сердце – вот и все. Тем более что это так.

Игорь: -Конечно. Знаешь, что меня тревожит? Мимо Художника прошли, как проходят мимо отработанного хлама. Он не слишком шумно жил - ведь дух творит в тишине. И незаметно ушел. Свободный бродяга и философ, роль которого непонятна большинству. Одиноким марафонец, бег которого прервался...

Лариса: -А может, прав ты...

Игорь: -В чем прав?

Лариса: -В том, что душа его живет. В том, что он где-то в другом мире пишет сейчас свои картины и замешивает гипс... Ведь ты же стоял однажды между смертью и жизнью – тот ужасный случай перед Новым Годом. С тех пор я почему-то не люблю этот праздник. Говорят, душа тогда летит по какому-то тоннелю...

Игорь: -Нет там ничего, понимаешь? Нет никакого тоннеля. Враки все это. Все, что тебе кажется – кажется живому. А там нет ничего – даже темноты. Просто нужно помнить о жизни, чтоб она была не в тягость, чтоб в ней были красота и цель... Потому что другого вместо нее не дано ничего. Нужно ценить жизнь, каждое ее мгновение. Все, что я понял тогда.

Лариса: -Мы должны уехать отсюда, Игорь. Хоть не на долго. Здесь очень холодно. Льют дожди. И дни какие-то... то серые, то черные. Уедем на юг, где солнце, хоть недельки на две. Здесь меня знобит. Не знаю почему - мне очень страшно. Пусть душа забудет все это.

15

Южная идиллия. Морской пляж. Звучит песня Фрэнка Синатры «I find love» - «Я нашел любовь». –«Хачапури, чучхели, пахлава», - выкрикивают торговцы названия местных горских деликатесов, разгуливая с подносами по полудикому пляжу, и лица их светятся счастьем, когда кто-то делает покупку.

Вечер, набережная, множество народа. Торговец мясными блюдами приплясывает и виртуозно играет ножами, чтобы привлечь зевак. По набережной ходят верблюды, зебра, обезьянки и даже мишка на поводке. Артисты в костюмах пузатых динозавров, дракончиков и скелетов то и дело назойливо предлагают сфотографироваться. Несуразные монстрики выскакивают из-за кустов. В неспешно катающемся по улицам нарядном, расцвеченном яркими огнями грузовике ритмично танцуют тонкие изящные девушки, похожие на заводные манекены. Бурю эмоций у дам вызывает в одном из многочисленных кафе молодой стриптизер. Здесь африканки услужливо смастерят вам прическу из тысячи косичек.

Умельцы сделают любую татуировку – временную и постоянную.

Вечер, просторная веранда особняка с видом на море. Отдыхающие поют под караоке, среди них Игорь и Лариса. Шаилыки, вино.

Потом их ждет поездка по ночному морю. Дельфины выныривают из морских глубин. Корабль ударяется о возрастающие волны. Блестят звезды.

Игорь (обнимая Ларису): -Ты хочешь домой?

Лариса (мечтательно): -Нет. Здесь мой дом, - указывает рукой то ли на море, то ли на обрывок Млечного Пути.

Вокзал, перрон.

Маленькая девочка (проводжая): -Ну почему все хорошие люди когда-нибудь уезжают?

Лариса (смеется, протягивает ей шоколадку): -Такой комплимент нам!

Квартира Ларисы. Игорь нервно и безрезультатно звонит по телефонам, ища Ларису. Стал грунтовать холст, но вскоре бросил это занятие – даже такая работа валилась из рук. Включил телевизор. Показали реставрационную мастерскую. Но сюжет уже заканчивался, и начался другой.

Звонок в дверь. На пороге два молодых подтянутых мужика.

Первый: -Рагутов Игорь Иванович?

Игорь: -Кто вы такие?

Второй: -Милиция.

Первый: -Что вы делаете в квартире Ларисы Леонидовны?

Игорь: -Постойте... как это что. Я здесь живу.

Второй: -А на каком основании, она ведь не замужем.

Игорь: -Слушайте, вы врываетесь в мою квартиру среди ночи и задаете гнусные вопросы. Какого черта!..

Первый: -Отныне он подозреваемый, так как из мастерской похищена очень дорогая икона, находившаяся на реставрации, при этом Лариса Леонидовна убита.

Игорь: -Что вы несете?! Где я могу ее увидеть?..

Второй: -Несколько позже вы сможете увидеть ее в морге. Конечно, если вы не имеете отношения к этому преступлению.

Игорь: -Этого не может быть, вы лжете, лжете!!

Кладбище. Раскрытая могила, рядом памятник Широкову. Вытянутое лицо, длинные черные волосы Ларисы... Что-то в нем изменилось, оно стало другим. Оставалось одно – классическая красота холодной статуи из белого мрамора.

Внутренний монолог Игоря: -Ты стала чужой, как лежащий позади Город!.. Скажи что-нибудь, Лор. Нет ответа. Это все. Прощай. Впрочем, ты уже не простишь. И все равно – прощай. Была ли ты?.. Об этом знают очень немногие. Но и они уйдут. Прощай. Человек полагает, что сознание мира заключено в нем. Мы надеемся на иные миры... а есть ли они? Вероятно, есть. Однако это – не имеет никакого значения. Мы привыкли говорить «прощай» – но ты не скажешь и больше не простишь. Ибо это самоутешение, а тебе оно не нужно. Потому что тебя - нет. Сознание ограничено стенами бытия, и они узки, как коридор, как каменная клетка. Нужен ли кому-нибудь человек? Никто не знает. Но мы были нужны друг другу! Лариса, зачем же так!.. Что я буду делать без Тебя? Прощай – это не наше слово, ты не любила его. Помнишь, ты говорила мне об этом. И вот теперь ты ушла. Тебе было всего лишь двадцать восемь, и ты могла бы жить очень долго. Но молчаливый Город никогда не вздрогнет от факта твоей смерти, ему все равно. Не хочу говорить «прощай». Нужно сказать, что мы с тобой увидимся... Увы, и это ложь, которая должна облегчить страдание. Тебя я больше не увижу никогда. Сознание мое будет бороться с тем, что Тебя нет. Я буду жить без Тебя.

Обрывки чьих-то тихих фраз в толпе:

-Если б не перестройка... работала бы спокойно учительницей до конца дней ... все

нехватка денег...

-Она детей любила, и не нужна была ей никакая реставрация. Нужда все.

-Да вон и Широкова бы никто не поджег, и не спился бы человек...

-Да не перестройка это никакая была, а контрреволюция...

-Позвольте, называйте вещи своими именами – оккупация...

-Прекратите, вам тут не митинг, потише, имейте совесть, у людей горе, а вы балаган разводите...

-Да, такая замечательная интересная женщина...

Люди постепенно расходятся. Чья-то рука легла Игорю на плечо, и он вздрогнул от неожиданности. Позади него стоял Орляков.

Орляков: -Знаешь, Игорь, скажу тебе одну вещь, которая покажется тебе крайне необычной, и возможно, ты не поймешь ее сейчас. Ты не должен отчаиваться. Потому что ты... счастливый человек. Счастливый, потому что у тебя есть отец, мама, родной дом. Да, ты, наверное, почти забыл про них, живя в Городе, но они были всегда. Маму я твою не знаю, а отец приезжал сюда, помнишь, я с ним познакомился, много говорили о разном. Он мудрый, серьезный человек. И главное, тебя любит, переживает за тебя, направляет по нужному пути, который в твои годы еще трудно определить. Ты еще не видишь этого, но твои родители - мощный прозрачный волнолом, которого ты не замечаешь, но который сдерживает удары этого мира, самые жестокие, и не позволяет обрушить их на тебя. Они принимают на себя первый удар - а ты почти не догадываешься об этом. Ты всегда можешь вернуться домой. Тебе кажется, что это естественно, ты не придаешь этому значения. И дай Бог как можно дольше не узнать, что может быть как-то иначе. А когда человек лишается всех, как я, он словно бы утрачивает иммунитет. Он становится уязвимым, а главное, смысл жизни размывается перед ним в неопределенное мутное пятно... Много мы потеряли народа, много. И продолжаем терять - цветущих, молодых. Вот мой отец погиб на войне...

Игорь: -Но сейчас-то не война!..

Орляков: -Война, сынок. Только другая – война с невидимками. Ты должен всегда помнить о том, что в тебе есть талант художника. Да, многие из нас теперь никому не нужны. Многих просто вышвырнули на свалку. И работать стало невозможно. Поэтому художник должен беречь себя и жить долго – чтоб пережить эту муть и напомнить правду тем, кто ее забыл или не хотел знать. И поэтому - береги себя! Ведь так не может продолжаться вечно. Я не знаю, сколько придется ждать. Может быть, слишком, слишком долго. Никто не знает. Я не доживу до этих времен, а ты – должен! Увы, порой нужно пережить ложь и равнодушие общества, чтоб потом сказать ему об этом. Может быть, даже придется на какой-то момент стерпеть – иначе тебя раздавят. Но правду ты обязан сказать. И потому художник *должен* жить долго. Помнишь, ты рассказывал мне свой странный сон про реку, где увидел людей, похожих на Вадима и Ларису. Так вот – ты должен переплыть реку!

Игорь (смотря, как на ладонь падает снег): -Снег. Цвет его – белый. Что это, цвет смерти? Жизни? Конца? Начала?.. Этого не сказал Вадим. Не сказала Лариса.

Орляков (помолчав): -Успех? У меня он был. И даже есть – сейчас все больше по инерции. Но он – заслуга иной цивилизации. Иначе и меня легко оболгали, и оплевали бы. С удовольствием. А так – вроде как неудобно. Как же можно плевать на «истинного русского патриота». Не модно! Вот и терпят – скрипя зубами. С улыбкой для общего пользования и - дулей в кармане. Запомни: для этого бомонда хороший художник – мертвый художник. Ибо он удобен во всех отношениях. Во-первых, к его славе всегда можно примазаться. Во-вторых, его истина потревожит дух, но не материю. А это общество уже много лет материально.

Откуда-то издали донесся пронзительный, почти отчаянный, приглушенный расстоянием крик птицы.

Игорь: -«От летящей птицы остается лишь ее голос». Где же я слышал эту фразу?.. Кажется, ее написал какой-то древний мудрец. Может быть, на папирусе. На глиняной табличке?.. Прощайте, Лариса, Вадим... Что бы вы сказали мне теперь?.. Кто вернет вас?!. Наше прошлое, которое ушло с вами?.. Кто вернет голоса промчавшихся птиц?.. Вы не

узнаете, что произошло. Для вас не случилось ничего. Просто однажды оборвалась ваша жизнь. Вы – камень, вода, угасший огонь. Теперь мне придется решать и за себя, и за вас...

Отдаленное звучание полной беспредельного минора музыки Баха.

Орляков: -Впрочем, разрешаю забыть все, о чем я сейчас тебе сказал. Помни только: нас большинство, и мы должны держаться друг друга, чтобы быть сильными. До встречи. - *Он твердо сжал его ладонь и медленно пошел прочь.*

Сцена-воспоминание в коричневатом оттенке: ночь в море, качка на корабле, смех Ларисы, осколок Млечного Пути, его призрачный мифический свет.

Внутренний монолог Игоря: -И все же - Ты где-то. Ты что-то хотела мне сказать. Я знаю. Ты протянула мне руку ... но промолчала. Твой взгляд был грустен, и в нем была дума – дума о нас. И во взгляде твоём было тепло. Ты всегда будешь беречь меня в этом мире. А я больше ничего не смогу сделать для Тебя. Ты – есть! Вопреки всему! По крайней мере, во мне - это точно...

Смотрит на часы и уходит.

конец